

Пропеллер и Бегемот
Елена Асеева

Шум

Я думала что шум это то, что мы осознаем, становясь стариками. Как холод, боль или безнадежность. Я живу в мире, который очень маленький и закрытый, но его преследует шум, который я впервые осознала шесть лет назад, когда мы жили в квартире, выходящей окнами на фабрику. Тот шум был американский, мой нынешний шум афганский. Сейчас это шум кондиционера, и тогда тоже был похожий – от огромных вентиляторов. Когда мы становимся стариками мы боимся его или наоборот - тишины?

Через десять дней день рождения Бабули, мамы моего папы. Она давно умерла, и никто в мире, кроме меня, наверное, не вспомнит, что у нее будет день рождения. Татьяна. Раба божия. Она не была добрым человеком - лишь брюзжащим инвалидом на костылях, не любила детей и ничем особенным не отличилась в жизни. Вряд ли кто-то когда-либо вспомнит о ней. Но я пока помню. И она любила меня. А я ее. Если верить в бессмертие души, то жизнь земная дана нам лишь однажды, чтобы заслужить жизнь небесную. Я не знаю, боялась ли она шума. Мне было мало лет, и я жила с кошкой, рыбками и родителями в квартире, а она - одна, и тоже с кошками, но в полуразвалюшном и блохастом доме, самом любимом доме моего детства. Боялась ли она спать ночью? Боялась ли просыпаться? Как вообще можно было так жить? Папа приезжал на автобусе к ней на обед из института. Я приходила иногда, а после того как ее выписали из больницы и она стала хуже – писалась и все забывала – я приходила все реже. А потом и вовсе... Я уже однажды писала про все это.

Но шум...

Я исповедывалась, просила прощения, но шум остался, понимаете? Мне очень часто снится тот дом и то, что она в нем одна. Ложится спать, просыпается и сходит с ума - от одиночества. Рассказывает сама себе свои истории, вспоминает прошлое, перебирает фотографии, качается на кровати. Провожает дни. А за окном ночь. Включает ночник одна. Больше всего на свете я боюсь ночи. Иногда мне так страшно ночью, что я не могу заснуть и плачу до пяти утра, пока не наступает рассвет. А ей было так страшно каждый день. Очень часто мне все это снится.

Все умные писатели и философы придумывают разные формулировки Бога. Одни говорят, что Бог в каплях дождя. Другие - что Бог разделен между сердцами людей. Третьи пишут, что Бога нам все равно не постичь, поэтому нужно вести праведную жизнь и не приносить в мир вреда. Я думаю, что это все конечно правильно, а еще что Бог - это свобода (от шума тоже), а судить нас будем мы сами. Я готова предстать перед судом, и даже выполнить вердикт – заточение ли, наказание ли, болезнь - но кто мне его пришлет?

Кто нас накажет стоянием на соли на коленях или плетьюми за наше детское

предательство?

Однажды мне приснился сон, в котором папа подвел слепую Бабулю ко мне и сказал ей: «Это Аленка». Это было несколько дней после моего дня рождения. «Аленушка...», - она повторила дрожащим голосом. Переборов собственный страх я обняла ее, и потом мы, вцепившись в друг дружку плакали, и плакали, и плакали... В своих всхлипываниях и рыданиях я бормотала ей о том, что была ребенком и ничего не понимала, что так скучала по ней и так часто приходила сюда – во сне. А потом я проснулась с чувством любви, как будто нашла наконец что-то утерянное.

В том же году я начала снова рисовать. Как всегда - начала с одного, а закончила другим. А еще поняла, уже после того, как стала рисовать, что главный страх в нашей жизни - это терять себя и тех, кто любит. С каждым любящим, который уходит, ты становишься слабее и аморфнее, пока совсем не превращаешься в туман.

Самое страшное в этой жизни это терять любовь. А шум – это так. Декорация.

Хотя я так и не поняла до сих пор, почему он меня преследует.

Круговорот

Она оставалась лежать на полу. Сначала была больница, она наблюдала заплаканные лица детей, их озабоченность. Знала их мысли. Ей не хотелось возвращаться.

Она улыбалась.

Врачи провели консилиум и вызвали дочку. Та зашла в палату с испуганным лицом, на котором пыталась продержаться улыбка. «Врачи говорят, что ничего страшного. Просто надо отдохнуть и подлечиться». Я знаю, что она врет. Но в ответ ей улыбаюсь, так как не хочу создавать лишних сложностей, им и так сложно.

Когда дети уходят, я испытываю облегчение и сама себе пугаюсь, ведь у меня кроме них больше ничего нет. Мне кажется самое время понять, что я тут делала. В палате кроме меня еще два человека: с одной стороны женщина все время смотрит в окно, периодически засыпает, с другой – молодая девушка под капельницей. Бледное лицо, лет 29, не приходит в себя. Мое облегчение усиливается тем, что мне не надо наконец ни с кем быть вежливой и обходительной: они молчат с двух сторон и ни к чему не обязывают. Я забираюсь с ногами на кровать, пытаюсь найти наиболее удобное положение. Никогда в жизни не задавалась таким глупым вопросом: найти удобное положение, чтобы наконец понять, что я тут делала. За окном весна и ярко-зеленая безбрежность не вызывают никаких чувств. «Свободна», - проносится в мыслях. Я упираюсь ногами в основание кровати и закрываю глаза. После операции все еще болит все пространство между конечностями, голова же наконец ясная, ее не замутняют скачки давления и мигрень. «Как просто лечится внутречерепное давление, просто нужно, чтобы тебя всю порезали и голова пройдет». Я стараюсь ровно дышать и вдруг осознаю, как много у меня времени на осознание такой маленькой вещи – зачем.

Пока родители не развелись, мне казалось что жизнь – для счастья. Мама была улыбающаяся, а ее образ – домашней, копошащейся на летней кухне, в Саду – весь словно созревший одуванчик, с ареолом света и пухового оперения вокруг. Она говорила мне: «Жизнь - это очень просто. Главное быть нужной». Я росла, созревала, пытаюсь понять, что она мне сказала. Детство закончилось с их разводом. Лето закончилось, сада больше не было. На его месте построили небольшую гостиницу. Я спешила закончить школу, чтобы больше туда не возвращаться. После двух лет колледжа устроилась работать на почту в другом городе.

Женщина-у-окна повернулась ко мне и поймала мой взгляд. Глаза у нее темно-серые. В них – отчаяние. Мне стало страшно. Внутри колыхнулось. Как-будто она подмигнула мне. Хотя я знала, что нет. В районе живота созрел шар и словно лопнул, тепло раздвинуло полость. Я почувствовала что-то вроде сексуального

возбуждения. Меня это удивило и рассмешило.

На почте я работала сначала на сортировке писем, потом занялась организацией: делала расписание по участкам, следила, чтобы вся территория района была равномерно охвачена персоналом. Меня перевели в центральный офис, где я была занята тем же самым, но уже для всего города. Работа мне нравилась. У нас был хороший коллектив, часто приходилось выезжать в разные места. Я никогда не опаздывала и не конфликтовала с начальством, ко мне хорошо относились и продвигали на разные должности. Я просто пыталась быть нужной, как когда-то мне говорила мама.

Мама умерла от остановки сердца, мне осталась гостиница. Пришло время покинуть почту и начать разбираться с тем, от чего я так мечтала откреститься. Гостиница мне давила в подсознание, так как стояла на месте моего Сада словно его надгробие. Я знала, что нам нужно было иметь заработок, что у мамы не было выхода, и что она понимала, что я ее никогда не прощу. Да простила я ее. Я уехала из моего детства и все То забыла. Лишь хотела никогда не вернуться обратно. Постепенно я разобралась и с этой задачей: мини-отель начал приносить более-менее постоянный доход, заработанного в сезон хватало на жизнь и оставалось кое-что на развитие. Я заказала современный сайт, халаты – в общем как-то все шло. Пока на пороге не появился Тот-чье-имя-я-постаралась-забыть. Они приехали на гастроли, с группой. Играли такую интересную музыку... Высокую и сладкую одновременно. Он сказал мне, что я вода, хрустальная и чистая, а он огонь, в котором горит весь мусор мира. Мне понравился он. Напомнил мне отца. Такой же безумный. Они уехали через неделю в другой город. Он прислал мне два письма. Дети мне этого никогда не простили.

Я работала очень много. Больше, чем прежде. Расходы очень возросли, так как мальчик был очень болезненный. А девочка – шустрая и яркая. Как отец. Я боялась за нее с самого рождения. Один из поставщиков предложил мне выйти за него замуж. Пожалел что ли? Я отказалась. Я его не любила, и потом сама справлялась. Когда мне не хватало сил, или кто-то из детей заболел, я перечитывала два письма. Снова и снова. Сотни, тысячи раз. Это было как лекарство. Помогало. С какого-то момента мне больше даже не нужно было их читать – я знала их наизусть.

Снова поймала на себе взгляд женщины. Может ей нужна помощь? Я ее спросила, могу ли чем-нибудь помочь. Она лишь улыбнулась и покачала головой. Меня пугал ее взгляд, а с другой стороны притягивал. Словно она где-то все время летала. Как дельфин – одно полушарие спит, а другое живет. От ее глаз мне стало не по себе и вспомнились слова какого-то ирландского поэта: «Все остается в боге». Это были красивые слова – такие же красивые, как и письма. Они мне вспомнились и остались внутри. Поселились.

Я не очень любила читать. Времени всегда не хватало, и потом чтение вгоняло меня в сон. Дети меня упрекали за это. Я их звала Динь и Дон. Дон много болел и поглощал книги тоннами. Однажды он узнал про поэта Джона Донна и решил что он теперь «Дон». Ну а «Динь» возникла сама по себе, для рифмы. Динь-Дон. Они

обожают друг друга. Дон с детства был маленький философ, а Динь – как языки пламени. Вдвоем как жизнь и смерть. Лет с пяти они начали спрашивать об отце. У меня не было времени изобретать истории, и я сказала всю правду. Ну или почти всю. Я не сказала им, что он умер от передозировки и никогда не вернулся обратно. Рано было им знать такие вещи. Они бредили идеей найти его и заниматься музыкой. Я понимала, что отговаривать их лишь подливать масла в огонь. Потом кто-то проговорился им, что их отец умер. И причину. Они не поверили. Искали что-то в интернете, газетах. Не помню сколько было им лет. Но они уже были достаточно взрослыми, чтобы не простить мне отца. Как и я маме – сад.

После все как во сне. Жизнь вдруг свернулась в спираль, воронку и вышла из-под контроля. Слезы, мольбы, я первый раз в жизни попала в больницу. Старалась быть трезвой, повторяла наизусть письма, но они не помогали. Словно я наконец осознала, что Он умер. Динь-Дон оторвались, как отпочковываются растения, и отправились по реке в океан. Я боялась за них обоих, не могла спать, где-то нашла молитвы и пыталась их читать каждый день перед сном. «О путешествующих» и «Божьей Матери». Они мне не писали и не звонили. Утро и вечер перестали различаться, ночь приносила короткую передышку. Очень часто мне снились сад и мама-одуванчик. Я просыпалась в тепле и слезах. Мне снова предложили выйти замуж. Мне было около сорока. Было уже поздно что-то начинать с нуля. Я отказалась.

Иногда я просыпаюсь среди ночи и всматриваюсь в лицо девушки под капельницей. На нем – покой и безмятежность. Что было в ее жизни? Есть ли муж? Есть ли у нее дети? Любят ли они ее? А вдруг она монашенка – у них часто такие лица. Словно ничего с ними никогда не происходило. Я сажусь на постели, облакачиваюсь о тумбочку, чтобы было удобно, и долго-долго смотрю на нее. Она вдруг изменяется: в чертах лица я узнаю Дона, потом Динь. Они открывают глаза, двое в одном лице, и улыбаются мне. Они никогда не уходили. Потом они становятся своим отцом, чей образ, совершенно забытый мной, вдруг проявляется с необыкновенной ясностью. Он мне говорит: «Девочка моя, в тебе столько тишины и уверенности, словно я наконец причалил к берегу». Мне кажется, что я плачу, трогаю глаза – а они сухие. Мой отец был такой – все время плакал сухими глазами.

Как-то раздался звонок и на том конце вселенной я услышала Динь. Голос был тихий и смущенный. У меня родился внук. Я не знала, плакать или смеяться. Желтая капсула внутри разорвалась и спираль, по которой меня ввинчивало внутрь, вдруг рванула вверх и меня необыкновенным толчком отнесло в небо. Они жили в небольшой съемной квартирке. Сладкий запах молока и пеленок. Парень Динь был ее партнером по группе. То ли гитарист, то ли барабанщик. Весь в татуировках снузу доверху, смешной такой. Динь тоже изменилась – но все та же, с бесенком в глазах и нечесанными волосами. Я окунулась в суету сует, гостиницу оставила на своего заместителя, да и за годы там все было налажено до работы часового механизма. Ребенок был забавным – хотя иногда пугал своим взглядом. Там вдруг соединились Все. Я отгоняла от себя лепестки ассоциаций, размышлений и продолжала быть нужной.

Однажды позвонил Дон. Смутился. «Ой, мам», прервался словно не знал, что нужно в таких случаях говорить. «Позови Динь пожалуйста» - слышу как тяжело дышит и не находит слов - «Если она дома конечно. Как у тебя дела?» Мы с ним говорим несколько минут, напряжение спадает. Он смеется. Говорит, что совершенно не было времени приехать. Я улыбаюсь. Я не осуждаю. Я уже вне спирали и все старые обиды звонкими каплями стучаются об оболочку радости вокруг меня и скатываются спокойно вниз. «У меня издана первая книжка» Я знаю это. Уже прочитала у Динь на тумбочке. «Я тебе передам. Надеюсь тебе понравится». Я как-то обнаружила кирпичик бумаги с незнакомым и таким близким именем на обложке. Не поверила глазам. Перевернула. Долго всматривалась в фото на оборотной стороне, узнавая заново того, кто был Дон. Джон Донн. И после. Я читала, и читала, и читала. Читала как те два письма в какой-то далекой уже жизни, потом молитвы, меня переполняло желание теперь выучить и эти стихи наизусть. Чтобы вылечиться. Такой мой мальчик. Такой...

У Динь была операция. Ничего страшного, но барабанщик собирается ее бросить. Внук подрастает. Динь мечется между музыкой и новой ролью. Дон помогает ей как может. У самого как-то жизнь пока не складывается. Учится в колледже. Пишет книгу, занимается по ночам и подрабатывает чертежником. Мне так важно, чтобы они продержались. Не сгорели как бумага, чтобы разлететься паутиной по ветру. Я все время повторяю «О путешественников» и стихи сына. Они словно мои мысли – беспорядочные и простые. Ну вот и все. Все – да? Теперь уже конец? Уже?

У женщины-у-окна закрыты глаза. Она спит. Мне вдруг становится страшно. Жизнь, которую можно самой себе рассказать за несколько часов, пронеслась и остановилась в Точке. Смотрит на меня и вопрошает. Молча так, с интересом, без злобы. Но и равнодушно. Такое выражение на лице у мастера, который готов заменить перегоревший предохранитель на новый. Бесстрастное: чья-то работа устранять неполадки, а чья-то – следить за круговоротом. Хочется человеческого взгляда. Девушка-под-капельницей так и не приходила в себя, женщина-на-кровати спит. За окном сумерки ночи. Равнодушные звезды. Жутко смотреть в лицо своей жизни. Что-то внутри вновь затеплело и начало словно ручеек по камням журчать и перекатываться вверх. Щекотно. Во рту вкус из детства. В уши. Звезды как-то ярче что-ли. «Все остается в боге». Или мне уже мерещится. И правда ярче. И больше. Я встаю с кровати и подхожу к окну. Стало намного легче, боль ушла. Они были правы, когда сказали, что нужно всего лишь подлечиться. Доктора всегда правы. За окном в ночной тишине цветущие сады и запах любви, жасмина, стихов, чего-то сладкого и мерцающего, необъятного и близкого словно. Пьянит.

Девушка-под-капельницей смотрит на меня смеющимися глазами. Сколько раз я представляла себе ее глаза, всегда закрытые – но никогда не думала, что они такие. Какие угодно, только не такие.

Я - вода, хрустальная и чистая, а он огонь, в котором горит весь мусор мира.

На моей кровати кто-то тихий.

Ложусь на пол.

В следующую секунду засыпаю.

Я - устала.

Небо

Трава щекотала нос. Запах похожий на воспоминания детства, когда спал на матрасе набитом сеном в маленьком сарайчике, почти в хлеву. За полумраком его вмещались пение птиц, мурлыканье котят, писк цыплят и переговаривание людей. А еще фиолетовые цветы, сладкие –сладкие. Фиалки. Жасмин, что благоухает в ночи пьяной весной. И оранжевые лилии, что возвещают приход августа. Дом.

Неделю назад на совете директоров я сказал – им всем – что инвестиционная оценка проекта была ошибочной, и риски недооцененными. Я, конечно, лучше бы промолчал, потому что много тому виноватых. И никто бы не открыл рот до момента настоящего краха. Половина сидящих за столом опустили глаза, другие смотрели на меня почти с явной враждой. После совещания президент похвалил меня за то, что я не испугался. И еще – что он в долгу. Спросил как мои дела, планы и т.п. Я ответил, что хочу взять отпуск на полгода, а еще лучше на год, чтобы поехать на юг Украины с археологической экспедицией, или написать книгу. Свет дружелюбия от похвалы пропал у него на лице. Он сказал, что в случае увольнения мне будет причитаться довольно приличный бонус из-за его хорошего отношения. Стрела счастья и испуга пронзила изнутри. Ан вот как...

На следующий день я валялся весь день в кровати и не отвечал на звонки. Позвонила секретарша. «Я болен. Дизентерия». Все поняли, как поняли. Моя невеста позвонила на следующий день, объявив что знала, что я глуп, но не настолько, что я эгоист, и что я не оценил, что ее родители сделали для меня и т.п. «Я болен». Она появилась, говорила, махала руками, собирала вещи. Я все это наблюдал спокойно и отстраненно. Дизентерия не мучала больше, хотелось пить. Воды. «Я хочу воды». Она смотрела на меня своими дивными некрасиво-красивыми глазами и ждала, что я начну раскаиваться и, попросив прощения, выйду на работу. Я ее послал. Так ... Просто.... «Иди на...» Разбив пару артефактов она ушла. А потом и я ушел. Ушел и все.

Когда весной вылезают первые зеленые прожилки из-под земли это чудо. Ты приходишь на следующий день – а там уже головка, на которой как шапка -семянка. Через три дня уже два листочка. Осенью все такое трагичное. А зимой – тихое. Весной - бурное. Летом – расслабленное. В моей жизни сейчас лето. Я еще не знаю, что будет завтра. Трава смешно щекочет нос и уши. По руке ползет муравей. Вокруг – оцепление из стеблей и листьев, а над – небо, смотрящее сверху и улыбающееся. Птица иногда пролетает. Вечность. Лизнуть мгновение – поцеловать его. Войти через него в суть сущего. В эти травы, птиц и синеву. Войти и взлететь ввысь, чтобы обозреть все с космической глубины, ровно как Он видит нас.

Жизнь мягко и плавно течет. Окрыляет и засасывает. Мечты прекрасны, но

наполовину ложны. Но ложные мечты помогают строить реальность, которую мы потом уже не боимся отбросить, получив от нее все, что требовалось. Я все время жил, повинуясь мечтам. Не причине, не доводам, не журналам с «ответы на все вопросы» рубриками. Если я хотел еду, я ее брал. Если мне нужно было заполучить какую-то определенность или следующую ступень, я на нее ступал. Очень часто мозг стоил дубликат мира внутри. И я ему помогал это делать. У меня внутри уже были постоены многие места, например Питер и Пушкин, Геленджик и Петергоф. Зачем я не знал, но что-то меня толкало туда. Заполнял себя как ребус, где нужно было находить недостающие части и проживать их. Жил как дурак. Работал на стройке, ди-джеем, продавцом мороженого, студентом художественного вуза, отличником и раздолбаем. Тусовался до дрожи в коленках, не спал неделями, принимал, все что можно, волочился и был должен. Потом вдруг приходило осознание, что в этом направлении – тупик. И я устремлялся в другую сторону.

Как-то я решил себе устроить путешествие в мир-за-стеклом. Отправил миллион резюме и меня позвали. В настолько, насколько ты осознаешь, что это путешествие, а не обязанность или хуже того – работа. Я наслаждался графиком жизни, тем, что надо вставать каждый день в шесть и что меня привозил-увозил шофер, квартирой, которую мне сняли, церемонией одевания, новой обязанностью приобретать галстуки и костюмы, короткой стрижкой, покупками в гипермаркете и зарплатой, которую можно было тратить. Президент корпорации тоже играл. А остальные все работали за его деньги и исполняли свои обязанности. Я тратил все на ерунду и алкоголь, а также нашел пару созвучных путешественников, которые наслаждались жизнью. Вместе мы делали свое дело и даже больше, а за это получили возможность настолько проникнуться мирами друг друга, что это вызвало неминуемый душевный комфорт. Президент ко мне хорошо относился – так как мне ничего от него не было нужно. Он знал, кто я. Нам было прекрасно. Я постепенно втягивался. Меня ввели в совет директоров. Я все чаще ловил его обращенный на меня «взгляд». Друзья-путешественники разлетелись, я остался в окружении тех, кто «работали». У меня завелась девушка. Очень стремительно я сделал ей предложение и купил квартиру, в которой все время все терялось. У нас появились друзья-непутешественники. Мне они нравились, но иногда охватывал страх. Я считал, что это побочный эффект взросления и принятия ответственности. По вечерам мы думали, как назовем своих детей и какое платье лучше. Однажды я попросил, чтобы он меня отпустил. И он согласился. Но было уже поздно. И потом - мы ответственны за тех, кому наобещали. Так?

Небо – это все, что нужно, чтобы понять все, что нужно. Лежу вот так, глядя в небо, уже четыре часа, и чем больше сливаюсь, тем сильнее отчаяние.

Однажды я проснулся. Рядом спина, за окном луна.

Понял, что в тупике. И что надо запустить программу выхода из него.

Программа дала о себе знать, когда перед советом директоров я проспал. Налил в кофе коньяку зачем-то. По дороге в офис попросил остановить машину и купил мороженого. Все меня ждали, а я явился обляпавшийся и счастливый. Программа работает – я был готов сам себя в этом заверить.

Ну, а потом как во сне. То-се...

Жизнь не должна вас обмануть. То есть – вы не должны ей позволить Этого с собой сделать.

Квартиру продам наверное. Будет на что жить полгода. А потом что-нибудь придумаю.

Ползли две черепашки.

Одна другой говорит: "я видела свет в конце тоннеля".

А вторая отвечает: "когда высовываешь голову из панциря, лучше делать это с закрытыми глазами".

Я - никогда не умру.

Попытка закономерности

- Мир это случайность?

- Нет, это попытка закономерности.

Моя жизнь была и протекала окрашенной в мажорные оттенки. Я приготавливалась несколько раз, насколько помню себя, в семнадцать и двадцать пять лет, к проблемам, но они не происходили. Постепенно я стала себя чувствовать попавшей в касту неприкасаемых, которым суждено прожить всю свою земную и небесную сущность купаясь в шоколаде от которого тошнит. Но как я не пыталась выпрыгнуть из этой ванны с шампанским, меня туда соответствия и странности засовывали обратно. Я кричала «Идите вы на... Я вас ненавижу!», но они лишь улыбались моему экстравагантному поведению и подливали и подливали, принося в хрустальном стаканчике клубнику.

О чем это я... Да...

Мне двадцать девять лет и у меня все хорошо. У меня отличная работа в приличной компании в центре города в современном бизнес-центре. На обед я хожу в кафе напротив, пересекая удивительной уютности почти пешеходную улицу, но одном конце которой кинотеатр, а на другом – парк, а также разные посольства. У меня есть повышенной замечательности муж, он был отличником в институте, а также он спортсмен и системный аналитик. Когда я вдруг начинаю задумываться, что в ловушке, он мне приносит что-нибудь вкусное и предлагает прогуляться или спланировать отпуск. Меня отпускает на какое-то время.

У меня в институте была подруга, у которой все, наоборот, было плохо: она приехала из областного города, жила в общежитии, подрабатывала в филармонии мойкой посуды в буфете, очень нуждалась и еле сводила концы с концами. Мы с ней сошлись на почве понимания. Она была единственным человеком, кроме меня, который знал, что мы в ловушке и первой с кем я не чувствовала себя студентом на экзамене в театральный ВУЗ. Мы с ней были больны одной и той же болезнью, но в разных проявлениях.

Как правило, принято считать, что из борцов за существование получают высшие люди, такие суперчеловеки, типа Гитлера, так как они с молодости привыкли себя преодолевать. Так вот: ее выперли с третьего курса, так как она из-за бесконечного недосыпа и подработок не могла нормально подготовиться к экзаменам. Мне тоже хотелось задней мыслью, чтобы она превратилась в звезду, в такую Селебрити. Так – рраз – и бедная девочка\золушка из провинции стала великой актрисой или писательницей. Хотя из-за нашего диагноза я понимала, что это невозможно.

Она была единственной из Всех, кто мне не завидовал.

Мне казалось, еще чуть-чуть и мы пойдем, разберемся, что не так с нашей системой. В каждой программе есть основной файл, который нужно найти и изменить. Тогда все повернется вспять или разрушится. Иногда мы встречались и по несколько часов пересказывали друг другу всю свою жизнь в деталях, пытаюсь найти, где произошло западание. Как выяснилось, это были не только мы с ней. Это были моя и ее мама, бабушки, прабабушки, которые вращались по одному и тому же замкнутому циклу. Дальше след теряется, но, я уверена, и десять поколений назад все было тоже самое.

Пришел муж с работы. Снова застал меня сидящей и смотрящей в одну точку. Спросил, все ли со мной хорошо. Я улыбнулась. У меня до омерзения все хорошо с моего рождения. Меня от моего «хорошо» знобит. Позвонила маме и спросила, не было ли в нашем роду сумасшедших. «Нет» (конечно же!) «у нас все были ЗДОРОВЫЕ». И это она мне говорит.

Однажды я порезала себе руку грязным ножом, предварительно вываляв его в земле. Мне было лет двенадцать, кажется, и я уже тогда начала себя ненавидеть. И – ничего. Ни смерти, ни столбняка. Мне стало казаться, что я заколдованная. Тогда же я спросила маму: «Почему я не умерла? Мы ведьмы?» Она стала на меня страшно кричать, и плакать, и заставлять давать обещания, что больше этого не повторится.

Я закончила спецшколу, свободно говорила на нескольких языках, посещала танцы и фортепиано, прочла необходимое количество «нужных» книжек, ходила с бабушкой на абонементные концерты в филармонию - ту, где моя впоследствии подруга мыла тарелки за скрипачами и альтистами. В четырнадцать лет меня мама отвела в первый раз в салон красоты делать маникюр. Я носила модные стрижки и была самой популярной девочкой в классе. В институт я поступила даже не заметив как это произошло. Моя же подруга по диагнозу провела три года на подкурсах перед тем, как ее, наконец, приняли.

У моего папы много друзей и знакомых. Он всегда был правильным и нужным. Никто и никогда не усомнится в его репутации. Перестройка пошатнула наше мироустройство, но ненадолго. Один из его друзей однажды намекнул на меня и его сына. Ну типа... Какая хорошая пара и т.п. Они всей семьей приехали к нам на дачу, я показывала гостям озеро и теплицу. Потом вечер, прогулка под руку, кино, книжки, совместные походы на Перешеек, помощь в подготовке к экзаменам, поцелуи, все остальное, свадьба. Только вот как-то с беременностью не получалось. Я втайне была счастлива: наконец-то прекратится эта цепочка биороботов. Мама и бабушка сверкали зло глазами, родители моего мужа тоже были недовольны, так как мы прожили четыре года, а приплода не было.

Я стала в них замечать схожие признаки: нервозность, странные перепады настроения, скачки давления. Мужу было все равно. Мы ходили в походы, катались на лыжах, я все также провоцировала судьбу, а она, как и раньше,

выплевывала меня со злорадством обратно в шоколадную удушливость. Со временем попытки мои ужесточились, как и настроения женской части моего родства. Мамы-бабушки перешли из закрытого наступления в открытую агрессивность. Меня без моего ведома записывали на разные тесты и радиogramмы, пробы и мазки. Я их покорно посещала, а неопределенность ответов врачей все больше и больше подталкивала женскую часть клана на превращение в животных. Иногда, когда мы собирались «всей семьей» и заходил разговор о том, у кого какие милые дети, я видела, что моя бабушка имеет голову змеи, а свекровь – кошка.

На очередном приеме врач констатировал мне: «У вас идеальные анализы, я не понимаю в чем проблема. Иногда просто нужно хотеть иметь ребенка и тогда наступит овуляция». Я же ему сказала: «Мы ведьмы. Я не хочу продолжать этот род». Врач испугался по-моему и посоветовал мне показаться невропатологу. Мне же хотелось сразу к психиатру и чтобы тот усил меня куда-нибудь в клинику с маниакальными проявлениями, где я, наконец, чувствовала бы себя среди себеподобных. Но я знала, что этого никогда не произойдет. Ведь у меня все так идеально, чтобы кто-то из обеих лагерей, змей и кошек, такое допустил.

Мне казалось иногда, что я близка к разгадке. Я ее чувствовала на кончике языка, в какой-то части мозга словно витал ответ – где ЭТОТ файл, который я должна найти и повернуть вспять. И я уже знала, что это не внутри меня, а сидит в них всех, тех, кто поддерживают систему, питают ее своей плавностью и шлифованными ногтями, поездками и эрудицией. И что мы все - как одна розовая туча, но не классовая, не национальная, не удачливая - но такая, которая себя репродуцирует и репродуцирует, штампуя улыбающихся кукол. А моя подруга, та, которую турнули с третьего курса и которая была единственным человеком, которого я по-настоящему любила, была частью синей тучи, самопродолжающейся как огромная клетка. И мы плавали в венах и сосудах организма, о существовании которого лишь догадывались и не могли знать конкретно, выполняя свои функции. Мы выпускали розовые пузыри, они – синие.

Буль, буль, буль... Бля, бля...

Я разбудила мужа среди ночи и спросила: «А что, если вся наша семья это лишь амеба, которая обязана продолжить себя почкуясь с себеподобными для сохранения баланса? Либо даже паразит?» Он взглянул на меня мутными и ошарашенными глазами и сказал, что у меня слишком много свободного времени и мне стоит придумать себе более интересное занятие, чем смотреть по два часа в одну точку.

В понедельник я вышла на работу. Кто-то был зеленый, кто-то фиолетовый. Не только розовые и синие, оказывается. На столе моего шефа стоит фотография, где он в аквапарке всунул голову в круглую дыру картонного изображения акулы. Я понимающе улыбнулась с заговорщицким видом.

Сказала свекрови, что видела ее кошкой. Через несколько дней представители розовой колонии клеток записали меня, наконец, на прием к психиатру.

«Доктор Боренблум. Пятница, 14.00. Клиника им. Корсакова». Я держу эту бумажку как обратный входной билет из кинотеатра в реальный мир. Я считаю часы до пятницы. Мне интересно, какого цвета будет это животное - доктор Боренблум-из-Корсакова?

Мне кажется никто особо не будет обо мне сожалеть, кроме одного единственного человека, которого я не видела уже много лет.

Но она и так все знает.

Ты же все знаешь. Так ведь?

Жизнь пунктиром

- Бог милостивый и всемогущий?

- Да, слушаю вас.

- Прости за слепоту их.

Солнце слепит глаза сквозь жалюзи. Вон там, на расстоянии руки, если вытянуться через окно и стать длинной-длинной и текучей, то можно ногами остаться в отеле, а носом пощупать воду Средиземного или Мраморного морей. Оно оставит усы на лице, ты облизнешься, поцелуешь его, тепло разольется тобой и лопнет, как разбитое яйцо, а сама стечешь обратно в гостиничный номер. Море часто говорит мне: «Ну чего же ты такая дура?», а я ему отвечаю: «Я была счастлива один день, так ведь?», а море вновь смеется: «Бш-р-шшшь, бр-ш-ш-шь». Вот так мы сидели и разговаривали: я с одной стороны, подглядывая в жалюзи, а море за километр от меня, обрамленное шоссе, пальмами и ресторанами.

Я иногда спрашиваю других, разных, что для них есть "счастье". Коллекция идиотизмов, которые мне сыпятся в ответ, могла бы сразить наповал любого из пророков, посланных в этот мир научить быть простыми. Зачастую счастье сводится к материальной стабильности (70 %, разные варианты, типа «найти работу», «заработать на пенсию», «прокормить семью», и т.п.) или личной определенности (30%). Дети, например, очень редко понимают, что такое счастье. Им приходится объяснять, и даже после этого вопрос им кажется абсурдным. Они живут внутри счастья и не понимают, КАК это.

Тот, которого я ждала в номере разговаривая с морем, был из категории выживальцев. Мы с ним никогда не могли бы совпасть в других обстоятельствах. Он враль и выживалец. Но, тем не менее, я нахожу себя сейчас среди дурацких 30%.

Открывается дверь, входит он, садится напротив, гипнотизирующе спивается мне в глаза и начинает врать.

Им не запугать меня. У меня есть море, и я его люблю так, как можно любить ребенка, любовника, маму, себя самого. Если у меня есть возможность, я сажусь в себе и разговариваю с ним. Главное, чтобы море было рядом, в пределах нескольких километров. Самое мое любимое - это когда солнце сверкает по поверхности улыбающейся рябью. Еще -утреннее, розово-вкрадчивое. Или ночное, с дорожкой от луны, бегущей в белый диск, по которой можно идти и идти пока не наступишь на плавник дельфина. А в конце - взлететь.

Мы познакомились в Египте. Я работала администратором в гостинице, куда он приехал "делать бизнес" из Ливана. Несколько раз он встречался в фойе с разными личностями. Я все время ловилась на заинтересованности, потом мысленно хлопала себя по щекам и возвращалась к обычной рутине. Как-то он поймал мое внимание, и стал играть не только на публику в белых одеждах, которой он нечто важное и необходимое пытался втоухать, но также и на меня. «Чур...», - я говорю себе. «Чур, чур, иди откуда пришел и не пытайся даже». Я занималась другими гостями, писала письма маме и не старалась никого вербовать. Он сам подошел.

Я отработала программу любви в своей жизни со всеми ее пробуждающимися бутонами, первой ревностью, гаданием на картах (ромашках, машинах, клеточках и спичках), признаниями, страхом, стихами, обретением уверенности, свадьбами, детьми, слезами и судами. У меня было много промежуточных промахов, два серьезных попадания, два развода и один сын. Я уложились в тридцать пять лет. В какой-то момент я потеряла к любви всякий интерес, так как ничего более в ней для себя не находила. Я чувствовала, что перешла на другой этап, на котором ценнее стали молчание и одиночество, а над спазмами и слезами планеты лишь тихо улыбалась, понимая, что эту идеализированную форму «чувства» продвигают кинопродюсеры и писатели для продажи своего товара. Мужчины и женщины снова разделились, как в детстве, на два лагеря и у меня не было никакого желания ходить к ним ни на разведку, ни просто в гости.

Он вкрадчиво подошел и сказал, что очень стеснялся заговорить раньше. Несмотря на лысину, перекошенную от нервного тика физиономию, пузо, нависающее над коротенькими штанишками и абсолютно дешевый вид, его распирало от собственного достоинства и он умело играл невинность. Этакий поэт, просидевший до пятидесяти лет в пещере, познавший истину, но выйдя на свет божий оторопевший перед первой женщиной. Он смотрел на меня именно так. Я слишком хорошо знаю арабов, чтобы не замечать их трюки с глазами, полными обожания, и рассказами про звезду, которая вела их, как волхвов в Вифлеем, пока их взгляд не встретился с моим. Я была достаточной расисткой с ним. Унижала. Презирала. Презирала вполне искренне и без никакого грима. Он в конце концов выхлопотал себе несколько свиданий и был непомерно горд этим. Его царственность меня сместила и умиляла. По его словам, он был потомок индийских султанов. Допустим, я поверила. Смесью жалости, поэтичности, цирковой невинности и рассказов про тяжелую судьбу в эмиграции на меня это соединение начало действовать.

Ты не вырываешь любовь из сердца, ты ее просто проживаешь. Не прожив, у тебя есть шансы носить этот вирус годы и годы. Я была удивлена, как у меня получилось снова заразиться. Сексуальное влечение я отменяла как причину однозначно, мог сработать материнский инстинкт, жалость, а также моя мечта о Марокко. Что еще могло выпрыгнуть из-внутри, где я все вычистила и расставила по полочкам? Может мне нравилось кого-то унижать, кто крутился в странном экстазе словно червяк, вытасченный на свет, под моим башмаком? Я не понимала себя, но еще больше я не понимала его, существо среднего пола с мохнатой спиной, крючкатым носом, достающим мне до середины груди, лупоглазыми глазами-яблоками, ножками, которые заканчивались в районе моих колен,

маленькими ручками, которых бы уместилось две в моей ладони. Все остальное можете домыслить.

Я все про себя знаю. Я проводила долгие эксперименты над собой. Я прекрасно понимаю механизмы зарождения в человеке любви от первой мечты до первого разочарования. Я знаю, как это – повернуться и уйти со середины фильма, а потом самоиздевательством и болью истончить чувство до нити, которую ты после только перекусываешь зубами. Я всегда читаю книги с конца. Мне никогда не интересно искусство без жертвы богу. Мне не нравятся веселые дети и грустные старики: я люблю наоборот. Я обожаю разговаривать с воронами, рыбами, собаками и алкоголиками. Я пишу стихи на клочках промокашек, а потом засовываю их в карман. У меня в кармане всегда дыра, где все теряется.

Я стремилась заглянуть в глаза смерти и рождению, а сама влюбилась банально и мелко. Словно я лежу в палате опоясанная катетерами и капельницами, и мне медленно вводят в кровь субстанцию, от которой немного сладко, но ты понимаешь, что это неправильно. Я спешила, чтобы действие этого препарата побыстрее закончилось. Мне хотелось дотянуться до колесика на капельнице и пустить себе ЕГО быстро.

Он молится на коврике в прихожей. Он делает это пять раз в день. Его глаза в это время полны благоговения и почти слез. Я наконец поняла, что меня в нем торкнуло. Он сказал, что часто плачет во время молитвы, настолько сильно он любит бога. В первый раз перед тем, как ко мне прикоснуться, он заставил меня признать, что я его "жена", а он мой "муж", и подарил мне золотой браслет. После чего я несколько раз послала его к черту (что означало развод), и каждый раз после «развода» (хотя я понимаю, что развестись, а потом свестись можно по его закону всего три раза) он на мне опять «женился». Меня это сместило. Не часто встречаются женщины, которые были замужем пять раз. При чем три раза за последние двенадцать месяцев. Я не относилась к этому спектаклю серьезно, он же, наоборот, во все искренне верил. Сегодня он мне, наконец, выложил (после года страданий, подозрений, обещаний, клятв, обвинений и признаний), что у него есть жена и ребенок, и что я могу жить со своим сыном где и как угодно, его это не волнует, а с ним мы будем встречаться на время его «бизнес-поездок».

Молодоженов осыпают розовыми лепестками, а потом дают испить из чаши воды, в которой растерт камень лазурит - символ бессмертия.

«На время которых мы снова поженимся, а потом снова разведемся?»

Море...

Руки ладонями вверх...

Иногда мир раскалывается. И сквозь эту трещину тебе, наконец, видна изнанка реальности.

Он раскалывается и превращается в миллиард маленьких зеркал, в каждом из которых ты видишь свое крохотное отражение. Эти зеркала с твоим лицом

зависают на секунду в воздухе, а потом обрушиваются сквозь тело и сознание, леденя и щекоча одновременно. Их поток прибывает тебя к ковролину, на котором ты сидишь в номере гостиницы, сжавшись в кляксу под подоконником, зная, что с того края стены, снаружи здания - ты ТАМ во время этого звездопада зеркал и видно - море. Вот оно. Переблескивает искрясь в ночном свете тихо-тихо улыбаясь. «Ну привет», - говорит море. «Опять вляпалась в глупости». Мы с ним садимся друг к другу спиной и оно мне медленно поет синим и белым, перебирая их рябью и лунным отражением. Миллионы зеркал миллионом рыб ныряют в гладь воды и опускаются на дно. В них преломляется верхний свет.

На местах порезов начало кровоточить. Сначала капли, а потом поток – теплый и соленый.

Море гладит меня по голове, пока я в конвульсиях упираюсь ногами в основание кровати. Меня трясет так сильно, словно все нервные клетки тела ожесточились и проснулись. Тошнотворное землетрясение клеток переходит в теплый внутри и холодный снаружи поток из глаз. Они наконец протекли и вот уже я сама - море. Реальность мира дает знак. Превращаюсь в тебя странно и прекрасно. Поверхность кровати и воздух в комнате дрожат, словно на экране телевизора. Из меня льется вода, которой бы я никогда не могла предположить, что так много. Я переползаю по полу, с трудом встаю и иду в ванную. Я вижу все как есть, наконец. Зеркало на месте и оно не разбилось. Внутри меня спало напряжение, накапливавшееся все эти странные месяцы, вещество в капельнице закончилось и я не умерла.

Он заходит в ванную, спрашивает с затаенным превосходством победителя, все ли у меня в порядке, и предлагает поужинать в ресторане.

«Ты свободна», - говорит мне Море.

«Так это ты???!!!», - пытаюсь замазать следы землетрясения на лице в негодовании спрашиваю я. Отражение в зеркале загадочно улыбается в ответ. Отражение в зеркале надевает красивый блеск для губ и духи из ракушки Кристиан Лакруа. Отражение в зеркале через полчаса пойдет в ресторан, в котором их узнает официант и принесет им чечевичный суп с лимоном.

«На что ты там все время смотришь?», - все время будет меня спрашивать он, раздраженно и испуганно оглядываясь в пустоту. Его триумф Дон Жуана, чьи ноги ты утрешь волосами своими, вдруг прерывается на самом интересном месте.

Свободна.

Я смотрю на что-то?

Ты Этому, к сожалению, не принадлежишь.

Мир, какой он есть

Я взлетаю и зависаю под потолком.

Отсюда мне видно все как на ладони. Видны перелески, каменистые обрывы, сбегаящие к морю, пыльные пустыни, пересекаемые серыми вертолетами, и разноцветные тряпочные лачуги цыган. Мне надоело всем объяснять, что я тут делаю. И поэтому я все чаще убегаю от них, ото всех, вверх.

Когда я только сюда переехала, мне приходилось по несколько раз в день объяснять, что я ТУТ делаю. Сначала это были консилиумы врачей, потом одиночные свидания с ними, потом опять консилиумы и так до бесконечности. Я понимала прекрасно, что подобные мероприятия были пропуском в мир, где меня, наконец, оставят в покое, и поэтому благосклонно и покорно посещала разные «вопросы-ответы» и «искренне хотим тебе помочь» собрания.

Пару раз в неделю приходит мама, она плачет и у нее новые вкусные духи. Она приезжает, и, переступая порог, спешит обратно. Ей неприятно. У нее потекла тушь. Мне ее хочется пожалеть и я ее прекрасно понимаю. Иногда я пробую объяснить, что у меня все в порядке и нет желания возвращаться. Но она еще больше расстраивается и обретает такой странный забывчивый взгляд, словно что-то потеряла и не может вспомнить что это. Мне хочется верить, что она скучает, а не просто жалеет себя.

Я ее спрашиваю о своем муже. Она прячет глаза. Я и сама знаю, могла бы не спрашивать. Мне просто хочется ее помучать и посмотреть, как она будет оправдываться. Он был (и есть) очень «перспективным мальчиком», когда мы познакомились. Вернее, нас познакомили родители. Он старше меня на три года. Он все знает про жизнь. У него есть ответы на вопросы, на которые вряд ли бы ответили даже Якоб Беме и Уильям Блейк. Он все знает в своей плоскости измерений и может доказать, что это и есть единственная истина. Я всегда сомневалась в его правде, и он знал это. Нам быстро сделали красивую свадьбу, на которую собралось много успешных и интересных людей. Мне казалось, что все это шутка, а потом мне так и продолжало казаться – и когда мы ехали в путешествие в Хорватию, и когда нам подарили квартиру, и когда все складывалось очень хорошо. Я всегда знала, что хорошо - это наивысшая шутка вселенной.

Вот сейчас, например, мама говорит, что он тоскует и верит, что я скоро выздоровлю. Я улыбаюсь и пытаюсь копировать ее движения и дыхание. У нее красивые волосы и блузка совершенно дополняет цвет глаз, которые становятся только зеленее от бардового оттенка ткани. Когда она поворачивается, на блузку падает тень дерева и листьев, через которые просвечивает солнце, и тень внутри

ярко-зеленая, как и мамины глаза в эту секунду.

Я улыбаюсь и соглашаюсь с ней. У моего мужа есть любовница (мама этого не знает), он ее не любит, как и меня, но она смотрит на него восхищенными глазами, и верит всему, что он считает правильным. Она знает, что он – это выигрыш. Также она знает, что его родители, как и мои, крайне отрицательно отнеслись бы к такому его поступку. И еще она знает, что в никаких других обстоятельствах у нее бы не было выбора, так как мы все – я, он, наши родители, фирмы, родственники – повязаны друг другом по рукам и ногам. Но сейчас у нее есть шанс, так как я «нездоровая». Никто ей, конечно, не сказал в деталях. Также мы ничего не можем поделать против имеющего план. Мой муж все время занят и передает приветы&подарки через маму. Он стесняется, что я нарушаю его благополучие. Он добрый. Просто какой-то стеклянный, что ли. Через него все время видно происходящее за его спиной. Как-будто внутри экран и никакого мяса. Мне всегда было не по себе разговаривать с ним, словно он - трансформатор. Если она ему родит, у него будет благородная отговорка развестись со мной, и никто не сможет возразить этому. Поэтому она так старается.

Я за него была бы счастлива. И за себя тоже.

Мама снова замолкает и спрашивает, что я думаю по этому поводу. Она понимает, что я ее не слушаю. Она расстроилась. Ей кажется, что я ее никогда не слушала. Я ее переспрашиваю. Она хочет узнать, как я отношусь к тому, если мы всей семьей переедем на Юг, найдем новую работу и все начнется заново. Я удивленно на нее взираю и не могу поверить словам. «Это было бы прекрасно», - наконец говорю я. И знаю, что это также нереально, как и прекрасно. Мама наконец вспыхивает каким-то светом, и начинает мне рассказывать, как это будет, когда мы все будем жить в другом месте. Она говорит, что это будет старый дом с красивыми наличниками, такими витиеватыми, с узором, где каждая фигура что-то значит. И мы весь день будем смотреть на небо и разгадывать эти узоры. А еще где-то недалеко будет море, и утром, когда роса еще не улетела, мы босые станем сквозь траву бегать на море, а в нем будут плавать стрекозы и пыльца. «Мы будем собирать стрекоз и выпускать, чтобы они не захлебнулись». А потом обсыхать и смотреть, как солнце набирает в себя свет и поднимается лениво распуская волосы. «А что там будет делать папа?» Мама словно пробуждается от дремы и задумывается. «Папа откроет фирму. Он станет... ». Мама пытается подобрать возможность и для него тоже. «Винодельцем!», - помогаю ей я. «Да, да, конечно же. Он же любит вино! А когда вернемся с моря и позавтракаем, мы соберемся все вместе на веранде и будем заниматься документами. Смотреть как идут дела, советовать...»

- А потом мы будем ходить по винограднику и проверять как созревают ягоды.

- Точно! И еще собирать гусениц.

- Ну, гусениц ты можешь собирать без меня, я просто буду ходить и смотреть.

Я вдруг вижу, что мы поднимаемся все выше и выше, и вот уже сидим на ветке

дерева, которое отбрасывает зеленые тени на бардовую блузку, и щебечем, словно воробьи.

- Папа будет ходить на охоту, ведь там же будет лес вокруг?

Мама задумывается, она пока еще не решила, должны ли там быть дикие звери. «Может на подводную охоту?» - нерешительно спрашивает она. «Конечно на подводную», - подхватываю я. «Он принесет нам скумбрию и ставриду, а мы ее зажарим. А после сверки документов и счетов, мы сядем в тени винограда есть рыбу и запивать ее белым вином».

- Алиготе!

- Точно – Алиготе! Я еще мы будем выращивать Рислинг, Каберне и такие сладкие... Не помню точно. Маленькими круглыми ягодами.... Кажется Мускат.

- И будем липкие, сладкие и перемазанные!

Мы смеемся. Мы качаемся на ветке, как на качелях, и смеемся. Ветер приносит собой разные запахи, играя волосами. Солнце расщеплено листьями на разноцветные лучи, через которые по своим делам летают пчелы и мухи. Мы собираем эти лучи в мяч и подбрасываем его. Он опускается теплом сквозь пальцы, а потом снова поднимается.

Внизу слышен голос врача. Он машет руками и что-то говорит, какую-то ерунду, которая нарушает наши заботы и заставляет очнуться.

Мы опускаемся на скамейку, стряхиваем с себя листья, поправляем одежду и смотрим друг на друга как двое людей после полового акта, с которыми может произойти только две вещи: либо отчуждение, либо любовь. Я отвечаю врачу, что буду в процедурной через полчаса. А сама смотрю на нее со странной надеждой. Она опустила глаза и пытается что-то сказать. У нее сначала не получается, но потом она складывается в фразу:

- Напиши мне список книг, которые ты хочешь, чтобы я принесла. Я могу принести журналы. Хочешь «Вокруг света»?

Я снова смотрю на тени. Они двигаются вслед за листвой дерева, повинующейся ветру. Иногда они светлее, иногда темнее. Они превращают блузку в живое существо, которое словно говорит со мной иероглифами. Улыбается и подмигивает мне. «Что ты сказала?» Мне хочется поделиться этим открытием с кем-то, рассказать о том, что дерево общается со мной через тени на блузке. Это так величественно и просто, а может это не дерево говорит, а Что-то большее?

Она вдруг наклоняется ко мне, кладет руки поверх моих и говорит:

- Если папа не согласится, мы уедем ТУДА вдвоем.

До меня ее слова донесутся через слова дерева. Мне прокалывает что-то в плече и затекла рука.

- Правда?

Она смотрит на меня словно по-другому.

- У тебя красивая блузка. Она тебе очень идет. Она дополняет цвет твоих глаз.

Я должна идти. У меня процедуры, а потом всех заставляют спать. Через мое окно слышны деревья, многоэтажки и шум города. Когда все засыпают, я взлетаю к потолку. Оттуда мне видно все- все-все: и желтые виноградники, и небольшую тропинку, по которой можно пройти через кусты держи-дерева и ежевики, разделяющие один участок от другого. А дальше можно найти спуск к морю, но не спускаться, а сесть на обрыве. Из-под тебя устремится вниз ручеек пыли и камней, и ты услышишь, как они стукнулись где-то внизу о гальку берега.

Мы сядем на обрыве, и будем так сидеть, пока не наступит вечер, а потом ночь. Я тебе покажу как отличить волны от плавников дельфинов, а потом как поднимется вверх, чтобы видно было все сразу: разные города, и людей, и рыб, и горы.

Там немного холодно, но это стоит того.

Тебе никогда не захочется обратно.

Пропеллер и Бегемот

Я – никто.

Для того, чтобы это осознать, попробуйте представить, что в мире нет часов: ни на вашей руке, ни на стене, ни в компьютере. Такая простая вещь, эти часы, но если они вдруг все одновременно исчезнут, наступит Конец Света. Такой же, как у меня сейчас.

И мы с вами сравниваемся.

Из тех состоявляющих, которыми заполнены две недели моей жизни, я могу сделать следующие заключения: я – мужчина около тридцати с хвостиком, у меня есть вредная привычка курить и мне кажется, что я прочитал много книг, так как все, что я смог найти в радиусе своего нахождения из текстового материала, от Лотреамона до Библии, мне показалось знакомым. Словно я это где-то уже читал. Самое обидное, что меня никто не ищет, а держать меня в больнице нет смысла, так как я, в принципе, здоров. Кроме лишь того, что не помню, кто Я.

Я нахожусь в постоянном состоянии де-жа-вю, и уже к этому привык.

Зеленый, зеленый, зеленый. Такой это удивительный цвет - зеленый - а я его как будто только увидел. Перед моим лицом ветка, на ней, у ее окончания, распустились молодые листья, они еще клейкие и между ними словно паутина. Они только что родились? Либо они просто новые волосы на теле дерева? Если они только что родились, то они ничего не помнят и им предстоит все самим исследовать, а если они лишь волосы. Что ж. Тогда они тоже ничего не помнят. От общего к частному или от частного к общему?

Мое положение не завидно.

Каждую ночь я сажусь возле окна, смотрю на туман над деревьями и пытаюсь вспомнить свое самое дальнее воспоминание. Ночью мне многое снится, только я не знаю – это сны или прошлая жизнь. Не могу отличить. Позавчера на мне пробовали депривационную ванну. Это когда тебя помещают в теплый соленый раствор в полной темноте, и мозг, отключенный от внешних раздражителей, начинает искать информацию изнутри. Я видел там много интересного. После пятичасовой процедуры я несколько часов наговаривал на диктофон увиденное и, может, я наконец стану известным как Пелевин. Но там не было ничего такого, что относилось бы к какой-нибудь обычной жизни Степана или Виктора. Пусто. Понимаете?

Кому ЭТО было нужно? Я заснул или, наоборот, проснулся?

Врач говорит, что мне нужен стресс, чтобы все вспомнить. Вчера я его спросил: «Может меня ДО вообще не существовало? Может я только две недели назад родился – просто сразу взрослым?» Доктор подозрительно на меня взглянул, но с интересом, и ответил: «Если бы так, у тебя бы не было никаких рефлексивных воспоминаний и, уж тем более, привычки курить». Я с ним согласен. Но мне эта идея нравится. Например, читаю Библию, а в ней не написано, что Адам сначала был зародышем, а потом подростком. Он сразу появился мужчиной, как и я. Но наверняка они многого не договаривают. В Библии.

А вот сейчас я уже не знаю, хочу ли я вспомнить или нет.

Дерево щебечет птицами, словно они – его голос. А ветка упрямо продолжает делиться. Прямо у меня перед носом. Оно простирает мне свои руки и щебечет. Ну – скажи мне. Ну давай. Я попробую понять. Очень сильно сосредоточусь и пойму то, что ты мне говоришь.

Я просто шел по улице. Небольшой областной город. Шел и ничего не помнил. Это мое первое воспоминание. Каждую ночь я пытаюсь пройти ЗА эту улицу. Например, я представляю, что иду вдоль хрущевок с кустами в том состоянии между сном и бодрствованием, пока ты еще можешь что-то контролировать. Потом я пытаюсь перейти на другую сторону улицы и резко повернуть обратно. Это мой собственный метод, пока, к сожалению, не принесший результатов. Я захожу очень далеко – там и река, и люди, и магазины, но потом мне кажется, что я это все придумываю. Я плаваю по своим мечам, а не в реальности.

Интересно, если бы я сейчас был «нормальным», занимала бы меня жизнь этих двух листьев настолько? Я на них могу смотреть часами не отрываясь. Мне кажется, я постигаю какую-то тайну вселенной. Они растут и из сердцевины уже показали первые почки. Вчера до них добрался муравей и облизал их как сладкие леденцы. Сегодня муравьев уже несколько. Завтра родятся новые листья, вылезут черепашкой из чрева дерева и скажут мне: «Привет».

А вдруг они все – листья, муравьи, кошки – все помнят, что было ДО и ПОСЛЕ, а просто я – нет?

Мне чувствовалось, то есть подсказывала интуиция, что только я сам могу ответить на эти вопросы. Никто в целом свете не смог бы мне помочь. Вчера сидел в парке и читал несколько книг сразу. Мне понравился шведский философ, Эммануил Сведенборг, который написал, что бог – это большой человек, в котором небо (дух) и земля (плоть) едины, а мы его укороченные масштабированные копии, у которых не едино ничего. Мы даже хуже листьев и муравьев, потому что те наверняка знают, что являются одним целым с деревом или муравейником. А вот я, например? Я – один во всей холодной вселенной. И от этого меня тошнит и расчленяет на атомы.

Ко мне подходит мальчик и смотрит. Смотрит и молчит. Я его спрашиваю: «Кто ты?» Он мне отчечает: «Бегемот, а ты?» Я, ничуть не удивляясь, говорю: «А я - пропеллер». Он садится рядом, словно я произнес правильный явочный пароль, и мы с ним вместе смотрим на дерево. Молчим. Мне вдруг необъяснимо уютно.

Ведь кто-то сделал со мной Это? Кому-то было нужно, чтобы я превратился в белый лист бумаги? Значит, я не одинок.

Меня снесло ураганом. Меня пронесло со скоростью света по всем предыдущим плато, где можно было хоть что-то членознакомое встретить и остановило в состоянии X. Состояние X было движением в эфире. У меня перепуталось все: время, пространство, глаза, верх и низ. Никакого ЧТО там не было – лишь абстрактные картинки, которые отдаленно напоминали предметы из реальности, которая осталась далеко и уже не факт, что существовала. Мутнота от желания выплыть на поверхность и невозможности сделать это, какой-то кисель вокруг из пятен, звуков, света. Потом выявилась комната-зал-пространство, в которой я пытался сфокусировать себя, а на меня смотрели множественные зеленые глаза. Просто наблюдали, пока я судорожно старался обрести хоть какую-то устойчивость и ориентацию. Жуткота - это наименьшее из описаний, которое можно было бы применить в тот момент. Где-то в еще работающей и пытающейся себя починить части мозга промелькнули догадки-объяснения, что: «вот она, потеря разума», а также: «наверное, я смотрю дурацкий фильм». После этой гениальной вспышки логики последнюю функционирующую часть мозга снесло тоже, и я остался висеть в чем-то напоминающем невесомость. Сознание больше не пыталось проанализировать что и как, оно лишь потеряло контроль и отключилось.

Вслед за этим меня оставило в покое дальнейшее деление и расщепление на абсурд и несоединимые-неподдающиеся истолкованию реальности и я увидел маленького Себя. Вернее существо, именуемое-именованное мною и прожившее 35 лет на земле, имевшее русые волосы и носившее в тот момент черную кожаную куртку и бежевые вельветовые брюки, у него были кроссовки Nike и несколько мобильных телефонов в кармане. Я увидел себя, вернее уже ЕГО, как единое целое, как концепцию, идею и продолжение, с полностью заключенной в нем жизнью, прошлым и настоящим, на которые было потрачено 35 лет линейного времени. Он на мгновение застыл, как робот, как оболочка, и мне предоставилась возможность понять единство и относительность, а также спектакль жизни, который можно прокрутить за секунду и разочароваться. Он не был грязным или противным, наоборот, какие-то отрицательные ощущения отсутствовали, но явно было лишь то, что он – ОН – это скорлупа, средство передвижения, а также получения и отдачи энергии во время еды, секса, сна, скитаний, метаний, творчества, самоопределений. Как можно по-другому определить скорлупу, кроме как «скорлупа»? Ну, или, Тойота Корола?

Скорлупа (она же - мои бывшие естество и бытие) была где-то далеко – то ли внизу, то ли просто на экране некоего монитора, что в принципе тоже далеко, а близко было иное ощущение себя-вне-скорлупы, вне личности, вне границ. Новое Я не поддавалось никакому самоопределению, но оно БЫЛО. Существовало иное Я. Вряд ли это было даже «Я», скорее всего некий разумный – то есть,

продолжающий мыслить – опыт, протяженность, суть, чье существование мы своими оболочками поддерживаем, частью чего являемся, откуда отпочковались и куда прикрепимся после потери «себя» в рациональном смысле.

Что еще.

Какие-то картинки, меня хлестали по щекам, чтобы я пришел в себя, я видел горы и туман за окном, врачей надо мной. Врачи были зеленые и их была стайка. Потом на меня надели намордник с наркозом и я опять вырубился.

Очнулся обставленный капельницами, меня колотило. Я должен был пить воду, чтобы вывести наркоз, но после глотка меня выворачивало. Впервые в жизни я проснулся инопланетянином, хотя у меня, наконец, были Имя, Семья, Работа и Жизнь. До какого-то момента скорлупа и Я были едины. Жилось легко.

- Я Пропеллер.

- А я Бегемот. Не забудь про меня Там, ладно?

Живете

Я вам расскажу сказку...

Я себе каждый день рассказываю сказки. Расскажу, поверю, проживу и как-то проще. Меня это - окрыляет? (плохое советское слово). Скорее «овеществляет». Вы сейчас читаете и думаете: «Ну нафига бабам дали в руки перо и бумагу, ведь они только посыпают пылью и пеной литературу и «как их замолчать заставить?» И я, позвольте заметить, с вами абсолютно согласная. С одной лишь оговоркой. Если я перестану писать, меня просто не станет. Для меня это единственное подтверждение, что я еще существую. Вернее, что живу.

Вот вы откладываете на послезавтра. А кто даст гарантию, что ОНО произойдет? Кто заверит, что жизнь и дальше будет терпеть наше мелкое и ничтожное, ничего ей не дающее взамен, существование?

У меня были два друга: человек и собака. После того как я попала в аварию, человек-друг от меня ушел. А собака-друг остался, так как ему все равно как я выгляжу, ведь он смотрит своими глазами Вне и любит изнутри.

Почему считается, что человечество это высшее проявление разума на планете?

Открывается дверь, заходит собака-друг (его зовут Боб, кстати) и говорит: «Пшли гулять». И начинает ныть: «Ну-ууу...Пошли-ии-иии». Я ему говорю, что пишу сказку, в которой он только что зашел в дверь и действует мне на нервы. «Тогда напиши, что я герой. Аттила, например, или Голиаф». «А кто мне поверит?». «А тебе и так никто не поверит». «Логично».

Во всех дурацких сказках животные говорят человеческим голосом. Мое же отличается. Оно отменно матерится, поет песни на английском, слушает новости BBC и очень интересуется решением арабо-израильского конфликта. «Пошел бы с собаками поиграл». «Хамас занял сектор Газа. Иди сама с ними играй».

Вот так мы и живем. У нас немного вещей, но все они нужные и интересные. Некоторые нашлись на улице, другие достались мне из прошлой жизни. За квартиру платят родители. Они меня любят&не любят. Когда им себя жалко, то они звонят, плачут и любят. В остальное время у них много разных дел.

Веселая пикантность моей жизни заключается в том, что я могу умереть любую секунду. Что-то с клапанами, которые барахлят. Вот так – кирдык – и все.

Каждый день я живу целую жизнь, а каждую ночь знаю, что у меня есть еще один в запасе.

Недавно мы открыли бизнес. Называется он «Предсказание будущего и прошлого». Это было изначально шуткой, мы потратились только на пару объявлений в газету, тем более что предсказывать будущее ни Боб, ни я не умеем. Но отбоя от клиентов у нас нет. Вот прямо сейчас в дверь звонят.

Боб пошел открывать. Свет. Слышу характерный вздох-вскрик (это так обычно реагируют на собаку, которая открывает дверь). Заходит женщина и боязливо оглядывается. Я на нее смотрю и ничего не говорю – просто лень. По моему у нее шок от Боба. И еще от того, что у нас нет такой атмосферы магического салона с хрустальными шарами, картами Таро, зеркалами и занавешенными окнами. Только девушка-инвалид и говорящая собака. Наконец мне надоедает, и я спрашиваю: «У вас есть какой-то конкретный вопрос?» Она выходит из ступора и протягивает мне фотографию. «Мой сын»,- начинает всхлипывать она, «Пропа-а-ал.. ». На фотографии молодой человек средних лет с русыми волосами подмигивает мне. «Он скрывается от налоговой полиции», - отвечаю я. Женщина на меня как-то странно посмотрела. Я понимаю, что попала в точку. «Он жив?». «Да, жив. Он скоро вернется». Женщина теперь готова разрыдаться. Я ее пытаюсь успокоить.

Я ненавижу всех этих детей, которые исчезают, оставляя страдать. Но еще больше вот таких вот мам, которые приносят весь смысл своего существования в жертву детям, а когда те смочаются в индийский Гоа, бегают по предсказателям в ожидании, чтобы кто-нибудь их успокоил. Я ловлю ее взгляд и пытаюсь передать ей то, что знаю и чувствую: «У вас все будет хорошо, понимаете?» Женщина перестает трястись и спрашивает, сколько она мне должна. «Заплатите сколько можете». Она уходит, а я нахожу себя измочаленной. Ее нескольких купюр, которые она оставила на столе, хватит нам на хороший обед, а также на то, чтобы купить ингредиенты для торта.

Забыла сказать. Мы еще печем торты для разных мероприятий. Свадебные, на дни рождения собачек и кошечек, для гомосексуалистов, которые женятся или разводятся, просто в подарок с большими сердцами, из которых торчат стрелы амуров и разные пикантности. Самый наш веселый торт назывался «Гамлет», он состоял из красно-белых слоев крема и на нем был изображен мультяшный цыпленок внутри яйца, который не мог решить, проклевываться ему или нет: «Быть или не-Быть?». Он у нас улетел почти за сто евро. Свои торты мы продаем на интернет-аукционе, иногда в соседней кондитерской, хотя чаще всего нам их заказывают по телефону. После продажи одного свадебного торта мы можем безбедно жить неделю.

Мне очень страшно, что Боб от меня зависим, как животное от человека. Иногда я ему говорю: «Если со мной что-нибудь случится, как ты будешь дальше?». Он отвечает: «А я не буду».

Меня это и веселит, и тревожит. Я знаю, что мы с ним живем, как будто летим на космическом корабле, предоставленные только друг другу и далеким звездам, а также метеоритам, которые могут нас сбить или повредить обшивку. Если на улице хорошая погода, я говорю: «За бортом солнце» или, наоборот, «Осадки». Мы приземляемся раз в год на какой-нибудь неизвестной станции, и меня выгружают в

скафандре и луноходе, на полянку, чтобы я «насладилась жизнью». Они на меня смотрят, как пришельцы, и почти плачут от того, что им то ли себя убогих, то ли меня жалко, не понимая, что я наслаждаюсь этой самой жизнью каждый час.

Каждый день мы путешествуем по разным замечательным галактикам, смотрим новости, печем торты или предсказываем будущее тем, кому необходимо чуть-чуть надежды. Я за штурвалом, а Боб - пилот корабля. Когда подгорает бисквит, Боб кричит: «Пожар в первом отсеке», и бежит выключать духовку.

Мы очень много смеемся. Мы очень много счастливы.

Ой...

Кажется я обещала сказку. Ладно - вот вам сказка:

«За тридевять земель жила принцесса. Она была очень красивая, у нее все было и ничего у нее не было. Однажды она попросила волшебника, чтобы тот сделал ее счастливой. Он заглянул внутрь и спросил, чем в своей жизни она готова рискнуть для этого. «Куклой», - сказала принцесса. Волшебник улыбнулся и покачал головой. «Моими фрейлинами», - волшебник отвернулся. Принцесса задумалась. «Мамой и папой». Волшебник взглянул изподлобья, а потом сказал: «Готова ли ты принести мне в дар единственное, что ты имеешь - свою жизнь?» Принцесса испугалась, так как ей показалось, что это уж слишком. Но так как ей все настолько наскучило, и не было никакого желания продолжать, то она ответила «да».

И тогда волшебник превратил ее в цветок, а потом, когда цветок оцвел и обронил семена, он превратил ее в дерево. Дерево зеленилось и благоухало, на нем созрели желтые как солнце абрикосы. Принцесса стала одним из них, а после – птицей, которая перескакивала с ветки на ветку и пела от удовольствия, поедая сладкую мякоть. Принцесса успела побывать дикой африканской собакой и дельфином-афалиной, северным промозглым ветром и волной, что сверлит и обрушает прибрежные скалы, сосной на склоне, сбегаящем к морю, и огнем, что согревает зимой и устремляется дымом в трубу, чтобы образовать облако. Она видела мир настолько высоко, что он превратился в шар, а после она опускалась в недра земли и подпрыгивала на веселящих газах гейзеров.

Она была очень - необъяснимо - счастлива будучи всем и во всем, словно сама огромная, необъятная и прекрасная жизнь пульсировала через нее, и она смогла понять одновременно и мысли камня, и боль роженицы.

А потом пришел принц, поцеловал ее – и она проснулась».

Непредопределенность

Звонит телефон. Дззззззззззы-ззз-ыыы-ззз.....

Я поставила его перед собой на клеенку стола и знаю, что ничего хорошего мне не скажут. И поэтому я доставлю ему такую сладкую возможность раздражать меня. Бесить. Вымучивать мои органы наружу противным телефонным визгом. А выдернуть из розетки лень. Бывает такое. Я на его беспочвенные вибрирования лишь смотрю. Мне сейчас достаточно маленького толчка и я сорвусь. Или может взлечу?

Мне всегда говорили: «Ты такая везучая». Когда у меня валилось все из рук, когда меня бросали, когда мне не виделось смысла продолжать дальше, когда я не знала, куда направиться – все твердили и твердили одно и то же. Как ба-ла-ла-йки. Я знала, что их слова - это тормоза, вернее такие дивайсы, который мир ко мне приделал, чтобы меня не заносило слишком далеко слишком быстро. Очень часто те, кто такое говорил, заставляли меня остановиться и осознать, что я делаю. Осознав, я вдруг просыпалась посередине скоростной трассы и не могла понять, что вокруг происходит.

Вот так же, как сейчас.

Так проходила моя жизнь. Рывками. Во всех отношениях. Я всегда боялась, что мне может не хватить топлива. В горнило мотора бросалось все: любовь, верность, природа, красота. Но, чаще всего, приходилось летать на холостых оборотах и , только когда самолет почти падал, приходило понимание пути. Я сражалась с собой, преодолевала себя вчерашнюю, имела в голове несколько ориентиров и ничего не принимала за истину. Я ее пыталась собрать из осколков, которые видела, слышала, чувствовала и угадывала. Мне не хватало все время времени дойти до края себя.

Снова телефон. Я оставляю клавиатуру в покое и направляю глаза и уши к раздражающему тишину аппарату. На том конце кто-то ждет, что я отвечу. Этот кто-то настойчиво пробивается, чтобы нарушить мое молчание. Мы живем с другом. В него влюблен один музыкант. Он сам влюблен в художника. А я влюблена в него. Это может быть кто угодно.

Я иду на кухню, наливаю в стакан заварки, разбавляю ее водой из-под крана и возвращаюсь к монитору. На нем висят на белом фоне буквы и давят на меня. Я сегодня не пошла в галерею – позвонила и сказала, что заболела. Сажу напротив компьютера и разговариваю сама с собой. Вопрос на повестке дня простой и небанальный: «Что делать». При чем не имеется ввиду, что делать сегодня, завтра или летом, а в принципе: ЧТО ДЕЛАТЬ. Когда я не знаю, что дальше, я пишу. У меня так проще получается найти информацию.

Я – везучая. У меня все получалось после удачных сражений с действительностью, но вдруг показалось, что жизнь меня обманывает. То есть, мне представилась жизнь как скоморох, который мне подкладывает разные игрушки, я их либо разбираю и выбрасываю, либо беру с собой в рюкзак, а потом вдруг поднимаю голову и кричу: «Эй ты, Петрушка, сними свою улыбку и колпак. Дай мне взрослые, реальные игрушки». Вместо того, чтобы снять с себя костюм и стереть грим, он пропадает. Я знаю, что не должна от него требовать такого беспредела, лишь наслаждаться тем, что мне дают: вот тебе папа и мама, вот тебе образование, вот тебе работа и любовь. «Петрушка, дай мне настоящее или забирай мою дурацкую жизнь обратно». Сверху молчание и пустота. Очень странное ощущение.

«Может они думают, как со мной поступить?»

Как-то я решила, что у меня крыша едет, потому что у меня нет детей. Не знаю. Может я ошибка природы? Или мой друг ошибка природы? Мы – две ошибки, которые не могут удовлетвориться мировым порядком? Например, зачем безответно любить, если можно быть самкой и паразитом? Или, зачем задумываться о том и о сем, если можно дегустировать, тестировать, наслаждаться и покупать вещи?

Опять телефон. Опять молчание. А потом звонок в дверь. Мне пришло симпатичное письмо. Я его раскрываю. Мне только что объявили (под аплодисменты), что меня приняли в аспирантуру в крутой университет с мировым именем. Скоморох вновь появился и уже с друзьями. Они мне хлопают и улыбаются. «Это предложение от которого она не сможет отказаться». Подкинули мне, значит, еще одну куклу. Золотую. А если я откажусь? Если я порву это письмо, закроюсь в комнате на недели, и буду там рыть и рыть ход, как крыса, к вам туда, чтобы наконец меня перестали подчивать подачками?

Я ставлю чай на трюмо и утыкаюсь в свое отражение. Оно на секунду показалось мне знакомо-незнакомым, как будто я застучала что-то на месте преступления. «Ага». У меня есть семь часов одиночества. Телефон все звонит и я не поднимаю трубку. Я сажусь напротив зеркала и пытаюсь понять след. Я знаю, что с другой стороны сидят скоморохи, один или несколько.

- Он может не вернуться, - мой скоморох сказал второму, который тоже меня сейчас наблюдает отсюда. Когда я смотрю на него сбоку, под маской грима светится пустота.

Я всмариваюсь в свое зеркальное подобие. Как странно чужими мы себе кажемся. Без вкуса, без запаха, без симпатии. Вот, например, нашла бы я существо в зеркале для себя привлекательным? Умным? Или добрым? На меня отражает свою похожесть кто-то, кто был мне выдан в аренду на 60 лет с хвостиком. Я его могу уморить голодом, убить, заплывть жиром или накачать наркотиками. А что мне еще с ним делать, с этой игрушкой, если я не знаю, зачем это мне? Дали мне машинку без инструкции.

Все внутри занемело и налилось глазами. Я сейчас брак алгоритма и меня мой собственный мозг может захлопнуть, так как сработает система сигнализации. Из послушного механизма,двигающего человечество вперед или вширь, я становлюсь биороботом, который вдруг понял, что его обманули. Что его систематически обманывали всю его жизнь, с рождения, рассказывая про любовь к ближнему, не убий и человеческое стадо под присмотром пастыря. Не ссориться, не унывать, иногда ходить на прополку убивая друг друга как сорняки и всегда каяться. Моя составляющая в этом стаде вдруг дала сбой. Интересно, как Я реальная выгляжу?

Зеркало исчезло и превратилось в сон. Я иду по аэродрому. Вокруг стоят огромные самолеты. Пасмурный и темный день. Я никогда в своей жизни не видела таких огромных самолетов. Я прохожу взлетную полосу. Из каждого иллюминатора на меня обращены взгляды. Или один общий взгляд.

Идет дождь. Свет выхватывает фигуру. Голоса.

- Мир это путь внутрь или изнутри?
- Мир это туда и обратно одновременно.

Я, наконец, снимаю трубку телефона.

Меня раздражает все искусство, вся литература, вся философия и эстетика текущего человечества. У меня нет никакого желания придумывать нелепых героев, которые вот сейчас возьмут и начнут разговаривать что-нибудь банальное. Мне надоели обезьяны в телевизоре, моя страна, бугущая вдаль за радостями капитализма, капитализм, взрывающийся в агонии своего тупика и ближневосточные страны, обомлевшие из-за передергивания религии. Меня этот мир достал. Мне в нем скучно. Я это говорю как создание, не обделенное ничем, но не видящее смысла в человеческом существовании. Мне надоело быть звеном эволюции, голосом на парламентских выборах, а также пляшущей куклой неких умных, которые вдруг мною заинтересуются и станут командовать, как я должна плясать. Я верю в искусство. В способность человека мечтать и быть свободным. И только поэтому я еще пишу, а не сижу на горе в нирване, хотя мне отсюда до Тибета рукой подать.

Я пишу историю о том, что человек это ТЕСНО, человек это мелко и безнадежно, но будучи Сапиенсом, он обязан найти выход.

На том краю провода кто-то мне сказал, что мой друг попал в аварию. Внутри все похолодело и выпрыгнуло вовне, как молоко из кастрюльки. Пузырьки воздуха ворвались кислородом в кровь и потекли быстро-быстро, накачивая сердце тревогой. Немота спустилась к пальцам ног, а потом отпустила. Трубка в руке стала мокрой. Я пытаюсь обрести баланс. Я собираю вещи как зомби. Тапочки, халат, зубная щетка. Метро. Я пока еще не знаю, что это значит. А может просто жизнь.

Для того, чтобы летать нужен ветер (можно использовать вентилятор), комната с полумраком, бумага или компьютер. Нужно знать, что в голове нет зависти,

отчаяния, нереализованности, терзаний, сомнений и страха.

Я сижу на стуле напротив операционной. Уже несколько часов тянутся как резина. Я пыталась спать, читать Йейтса, потом пить воду. Меня вырвало. Ногти обкусаны до основания.

Мне очень тесно жить одной жизнью, которую я пытаюсь догнать. Я себе кажусь коробочкой с бусинами, которую опрокинули и бусы разлетелись в разные стороны, каждый с собой унося кусочек меня. А собрать их обратно не получается. Мне иногда жалко, что они не разлетелись еще шире.

Вывезли стол на колесиках. Говят, что все прошло успешно, но он потерял много миллилитров крови. Я иду как перебинтованная мумия след за звуком, и все бинты на мне - и на нем - соединились в один бесконечный свиток живописи. Отчаянно красивый. Красные иероглифы на белом. Мы танцуем в белом пространстве света.

Мне очень не хватало быть: мужчиной - нейрохирургом, биологом (я бы исследовала мозг дельфинов), вулканологом (жила бы на Камчатке), филологом (я бы изучала праязыки и руническое письмо), теологом (пыталась бы найти связь между монотеистическими религиями), психиатром (понятное дело – наблюдать за разными психами), а также пианистом (играть Рахманинова), композитором-исполнителем джазовых импровизаций, певицей (петь такой слезливый бард-кантри), архитектором, танцовщицей танго (ну, или фламенко), знахаркой и кинорежиссером.

Я маленькая – мне семь лет – и мама говорит мне: «В жизни, когда у тебя тупик, расчерти лист на две половины. На одной пиши «За», на другой «Против». А потом просто сравни, что перевесит». Это очень простой способ. И верный. Демократичный. Это то, что я сейчас делаю, сидя в коридоре возле палаты. Мне разрешили туда зайти на немного. Я постояла. Подержала за руку. Я буду здесь ночь и день. Мне все равно некуда идти.

Я всегда была на стороне тех, кто тише молчали. Мне хотелось, чтобы искусство было таким же. Тихим как родник, но правдивым и говорящим. Как эта красно-белая материя бинтов вокруг нас. И чтобы, наконец, все эти мучения тщеславия и соревнования «кто первый» оставили меня в покое. Во мне много мусора. Мир вокруг побеждает. Я снова всматриваюсь в себя.

«Лишь просила забрать мою дурацкую жизнь. Ничью другую».

Мой скоморох равнодушно играет со мной как кошка с мышкой. Ему по-моему все равно. Он смотрит такими спокойными глазами. Я для него – никто. Для него никакая потеря – потеря. Хотя я знаю, что нет. Даже если он пустой внутри, я знаю, что он только прикидывается, что ему все равно. Ему не должно быть все равно. Мои желания отправляются вверх, и падают вниз реальными игрушками. Я его творческое продолжение. Я плююсь словами, а они жабеют на глазах.

Мне вдруг показалось, что я все знаю на секунду. Понимаете – ВСЕ.

Он не приходил в себя два дня. Потом проснулся. Мне сказали, что есть большой риск повреждения чего-то в позвоночнике. Он боится, что я теперь уйду и брошу его. Он еще не сказал этого, но я уже знаю. Я об этом тоже думаю, если честно, хотя знаю, что это будет ложью, если я буду думать так. Его друзья не появлялись. В принципе, я и не предполагала, что они появятся.

Мне смешно и щекотно внутри. Как-будто я подсмотрела что-то в замочную скважину.

У меня будет ребенок. Я ему еще не сказала. Только скоморох знает об этом.

- Жизнь это просто жить или что-то еще?

- Жизнь - это насколько хватит твоего воображения.

Возвращение

Мне сегодня пусто. Мне сегодня весь день плохо. Я не могла больше с собой бороться, пошла в пустой офис наверху и уставилась на пластиковые ребрышки подлокотника. Смотрела, пока вокруг все не поплыло волнами.

Меня обидели с утра? Или приснился кошмар? Кто-то сказал гадость? Ничего подобного не случилось. День как день. Один из миллиона. Я сидела и перебирала минуты в голове, пытаюсь зацепиться за нить и вытащить ее на поверхность.

Я одиноко-независимая женщина приятной наружности. Выгляжу я намного моложе. Так все говорят. К чему это... За мое упорство судьба меня наградила успешной карьерой и полным отчаянием, которое я удачно прячу ото всех. Хотя мне кажется, все это прекрасно раскусили, и только льстят не показывая виду. Одним словом, когда я попала случайно, благодаря одному другу, к психоаналитику, тот сказал мне, что у меня устойчивая скрытая депрессия. Я бы ему это и так сказала, не мучаясь два часа разными тестами Люшера и вопросами. Так. Интересно было.

У меня в квартире идеальный порядок. Вычищать все и смотреть телевизор – это единственные дела, которые я оставляю себе на время нахождения в своем жилье. Здесь я ем и сплю. Ем в основном йогурт и кофе, так как совершенно не готовлю. Недавно записалась в комьюнити «чайлд-фри». Теперь я такая оригинальная. Бездетная и освобожденная. С друзьями мы обычно встречаемся в ресторане. Я люблю путешествовать. Побывала почти в шестидесяти разных странах, от Камбоджи до Чили. Это меня отвлекает от работы. В детстве я была очень живым ребенком. Да и сейчас вроде как – живая.

Кто-то меня трогает за плечо. Опять появятся это тошнотворное то ли послечувствие, то ли предчувствие.

- Еле нашла тебя. Ты на обед пойдешь? (Это моя подруга. Ну, как бы подруга. Не может же быть подругой человек, которому ты платишь зарплату?) – Да, секунду. Что-то на меня нахлынуло. Хотя до менопаузы далеко.

Она задорно смеется. Она такая очень счастливая особь. Глупая и, соответственно, счастливая. Однажды я ее спросила, как они встретились с мужем. У нее, как и положено таким созданиям природы, удачный брак и нет скрытой депрессии.

- Он мне сделал предложение. Сказал, что высматривал меня с восьмого класса.

- И все? Просто сделал предложение? (Мы, как сейчас помню, сидим прямо на корме речного трамвайчика, арендованного, чтобы отметить шестую годовщину компании. Было очень холодно. Идея была не фонтан – но зато все быстро

набрались). - Сделал предложение, а дальше?

- А дальше мы поженились.

Звучит обезоруживающе странно.

- И ты, вот так, сразу согласилась? Совершенно никаких у тебя подводных течений не было? (Мне непонятно поведение женской части общества в ее лице. На самом деле, проблема для меня лежала глубже - в последнее время мне казалось, что я этой части общества вообще больше не принадлежу.)

- Конечно. Он был самый приличный из всех моих знакомых. - Она вдруг на меня прямо так посмотрела своими бестолково-счастливыми глазами. - Это у вас все время подводные течения.

Мне стало не по себе. Не по себе и как-то еще более непонятно, где я совершила ошибку в своей жизни. Ведь в семнадцать лет я, может быть, тоже так просто вышла замуж. Если бы позвали.

Мы идем обедать в кафе напротив. Заказываем два салата и коктейль. Она несколько раз беспокойно меня оглядывает:

- Что-то случилось?

- Помнишь мы отмечали шестилетие на теплоходе? Когда ты мне рассказывала про то, как муж сделал тебе предложение?

- Да, конечно. Промозгло было. И что?

Я вдруг понимаю, что передо мной вопрос жизни и смерти. Продолжения своей личности. У меня вдруг схватило виски и предчувствие-послечувствие обострилось и начало тикать.

- Скажи мне... Ну... Как вообще ты себя ощущала тогда. Когда он тебе предложил. Сомневалась? Например - в чувствах своих?

Она на меня смотрит бараном. Я вдруг осознаю, что я медуза Горгона. Я ее испугала не на шутку. Она начинает заторможенно и с опаской вспоминать:

- Родителям он понравился... Муж... Ну, то есть Паша. И потом, мне все подружки говорили, что завидуют. И действительно, никого другого не было рядом. Мне нравилось, что завидовали. На меня особо никто внимания до этого не обращал. Он красивый и высокий, я подумала, что дети будут красивые. И потом по сравнению со всеми, кого я знала, он был нормальный. Ну там – не наркоман, не псих какой-то.

На меня накатывает волна шума и вытеснения. Я вдруг пытаюсь себя воодрузить в наивные туфли семнадцатилетней. Ведь в семнадцать я была женского пола, так

ведь? И в четырнадцать. И в семь. Это то, к чему я должна вернуться и начать заново. Я вдруг пытаюсь надеть на голову мысли невозможной давности и таким образом снова стать такой же счастливой, как это существо напротив. У нее двое детей, дурацкая работа, семья и грядки. У меня пустота, мания преследования и скрытая депрессия.

Жизнь – это дерево. Клякса на бумаге, а кто-то наклоняет угол. Ты потек в эту сторону: течешь, течешь... Еще немного. Распускаются листья. Прилетают птицы. Но – уже нет больше солнца и сока, чтобы расти сюда дальше. Тупик. Другая часть потекла в противоположном направлении. Тоже развивалась. Пока не уткнулась. Что-то росло вверх – изначально это была маленькая ветка, но потом она окрепла. Тык, тык, а где-то правильно. Нужно. Или нет. Я не бог весть что. Но все мои ветки – мои. Я не жалею, что двигалась в разной хаотичности. Я может плохо рисовала, но много думала. И оставляла их за собой. Я лишь потеряла счастье.

Будьте как дети?

Пока моя подруга расслабившись за салатом и впав в приятные воспоминания юности щебечет, я конструирую внутри трехмерную проекцию из остатков воспоминаний. Какая я была, например, в пятнадцать лет? Мне ведь нравился совершенно тупой и веселый сериал «Рабыня Изаура». А еще «Санта-Барбара». Дурацкая «ламбада». Танцевать перед зеркалом. Воровать у мамы косметику. У меня были подруги, с которыми мы были влюблены в старшеклассников. Я мечтала ночью о ком-то. Я же была легкомысленной. Я тоже была душой когда-то.

Да - и запах. У моих пятнадцати лет был запах. Отличный от всего. Голова идет кругом.

Слово – первично. Мир воображения вторичен. Не может быть изобразительного искусства без этого мира. А у меня мира нет. Он был. Он мой. Я в нем была счастлива. Я не сдвинусь, пока не напишу либретто. Либретто. Либретто самой себя. Интересно? Время.

У себя «Раньше» мы хотим позаимствовать их чувства и те моменты, когда раньше совершили или сделали что-то определяющее для «Поздних». Для меня то, что я сейчас решу - это моя жизнь через шесть, десять лет. Я буду вспоминать свое состояние, мысли - и так вернусь к себе. Я сама себе буду лекарство.

У меня был костюм : первый, который мне заказали в ателье, и я его ходила мерять. Первое МОЕ. Запах и словно жучки по всему телу. Первые соки... Я же не всегда была консервой.

Ночной запах цветущих cereвьев. Вот он. Точно. Желто-зеленый запах, который слезится.

Подруга мне что-то рассказывает, но я ее не слышу. Она машет рукой у меня перед глазами. Она меня трясет. «Ты по-е-ла? Ты же ни-че-го не стала! Ты идешь?» Я на нее смотрю с другой планеты. Удивительно: она сработала для меня как триггер,

чтобы потерять с таким трудом давшиеся мне баланс и уверенность в себе. «Ты можешь идти. Я побуду здесь. Еще полчаса. Иди». Она спрашивает, не нужна ли мне помощь. «Ты очень бледная». Неужели эти дурацкие размышления отразились на моем лице? «Ничего страшного, я подойду попозже». Странно на меня озираясь, она семенит к выходу. За окном стоит сухое и яркое лето. Мне уютно в полумраке кафе. Ее силуэт исчезает за стеклянной дверью. Я словно опускаюсь всей собой из искусственной прямой улыбка-осанки, полуложусь на стол и заказываю себе коньяку.

Я была одно сплошное сражение с окружающими обидами и унижением. Одно сплошное убегание внутрь от внешнего мира. Мне в мои 20 лет не хватало защиты, покоя, устроенности, уверенности, места, где я могла бы переночевать, денег, реальности. У меня в 35 это все есть, а не хватает счастья, которое бы уносило меня в мир грез лучше, чем наркотики и алкоголь.

Вернуться в себя необходимо. А еще необходимо осознать, что эта секунда через секунду - прошлое.

Почему, когда я прихожу домой после работы, я читаю про рак? Набрала в библиотеке медицинских журналов и читаю. В секрете ото всех. Даже в секрете от себя. Не могу понять. Может поэтому: «Волшебные случаи исцеления, которыми полон интернет, роднит одно - выздоравливают люди, полностью изменившиеся. Пересмотревшие свои взгляды на жизнь. Прошедшие духовную трансформацию. Освободившиеся от обязательств, начавшие жить так, как душа просит».

Враки... Или нет? Чего просит моя душа?

Самое ужасное, что она ничего не просит. Она – отвалилась.

Я никто. Но даже самый никудышный никто каждый день должен БЫТЬ.

Коньяк пронизывает теплом мои органы, разливается словно лопнувшая кровь изнутри. Хочется – вот прямо сейчас – плакать. А не могу. Что подумают люди. На мне костюм за две штуки баксов. Разучилась.

Нас все ведет. Нам все говорит. Нам каждый наш вопрос отвечает. Стенограмма. Жизнь это дневник, а путешествие - это стенограмма.

Откуда-то взялось это дурацкое сожаление. СО-ЖА-ЛЕ-НИЕ. О себе несбывшейся. Я столькими себя сбывлась, а сожаление все еще там. Я хотела танцевать - а жизнь меня усадила за компьютер, словно я инвалид.

Не оглядывайся. Ты - это только впереди. Прошлого не существует.

Мобильник разрывается. У меня назначена встреча с китайцами после обеда. Контракт на два года. Одна моя подпись, и весь мой штат – тридцать человек дизайнеров, бухгалтеров и конструкторов, могут безбедно жить и кормиться. Одна моя подпись. Власть, что ли, сделала меня такой? Я отключаю мобильный телефон

и заказываю еще коньяку. Я сегодня напьюсь. Как в пятнадцать лет, когда мы воровали ликер у родителей из бара, разбавляли его водкой и компотом. В остатки наливали медицинский спирт. Ликер из вишневого превращался в бледно-розовый. А потом шли гулять по улицам. Пели песни. Вот так глупо – напиться, чтобы попеть от души. Жизнь была очень полной и искрящейся. Вы только представьте себе: не для расслабления, не для того, чтобы хватило смелости и уверенности признаться в любви, не для удовольствия, не от депрессии - а просто чтобы ПЕТЬ.

Мы – свободны. Судьбы нет. Мы программируем свою жизнь влево, вправо или прямо, меняем свои генетические и психологические программы, отрабатываем комплексы, измельчаем в пыль обиды. Мы иногда говорим себе правду, наперекор сложившемуся мнению. Говорим – и иногда безумства хватает на действие.

Внутри меня великое существо, которому я не даю ходу. Я пытаюсь, приближаюсь к некой точке, за которой накопленное одиночество и самоковыряние наконец выплеснутся. Мне интересно, что из этого получится. Меня, конечно, интригует результат. Я реализовала себя на 10 %. Я упрекаю окружающих в том, что у меня не было возможностей. Что я была девочкой из провинции над которой все смеялись. Слава богу, что мои упреки никто не слышит, иначе бы мне стало стыдно. Возможность есть каждую минуту, а с учетом того, что время относительно и его не существует – возможность эта неисчерпаема и не поддается измерению. Я бы хотел, я бы мог: не-на-ви-жу БЫ вас, а главное ненавижу ВАС у себя внутри, мерзкая тварь.

Я все могу. Я только не знаю, что.

Наверное, я была хорошим человеком в детстве. Сто процентов лучше, чем сейчас. Как же все таки это важно – никому не завидовать и наплевать на результат. Как это сложно, когда весь мир наклоняясь к тебе и опепеляя своим дыханием давит на мозги: «Нацелься». Нейролингвистическое программирование. «Нацелься – и получишь: квартиру, мужа, машину, яхту, миллион долларов, вечную жизнь». А может – врут они все? Надо лишь что-то иметь в процессе, получать от этого удовольствие и наплевать на результат? Легко в 5 лет, и тяжело в 35. Откуда-то выскакивают странички с: «экономь 4 часа времени каждый день уменьшив количество сна», «слушая аудиокниги ты освободишь больше времени для...», «Эйнштейн и Менделеев имели в распоряжении те же 24 часа в сутки, что и ты», «планируй свой день и неделю», «ешь протеин и сахар для повышения мозговой активности». Производство роботов уже поставлено на поток. Они вращаются все быстрее и быстрее. Они глотают книжки и учатся в трех институтах. Они хотят забрать блага мира у своих родителей, потому что считают, что те не по праву их получили. Они уже полетели толпой в правое полушарие и открывают тайны бытия. Однажды ты уже послал пророков научить людей жить в любви на земле, господи, пошли же теперь кого-нибудь научить их жить в любви в своем правом полушарии!

.....

Ужасно болит голова. Разрывается телефон. Вокруг – моя квартира. На диване кто-то спит.

В трубке отрапортовали, что встреча с китайцами прошла нормально. Всем сказали, что я заболела.

Кто-то на диване зашевелился. Перевернулся. Женщина лет шестидесяти. Накинут плед. Что-то припоминаю. Кафе. Коньяк. Песни пели, что ли? Ужасно раскалывается голова. Я рыщу в тумбочке аспирин. От меня воняет всем, что только можно вообразить. Куревом, потом, перегаром. Ноги дрожат. Да и руки.

Я ковыляю к холодильнику. Как она здесь оказалась? Каждый шаг отдается колоколом в висках. Что я с ней буду делать? Я пытаюсь восстановить цепочку событий. После закрытия кафе пили там же - на кухне, на разделочном столе. Потом на улице. Стыдно спросить, как ее зовут. Словно опять забыла что-то главное.

- Пить хотите? - протягиваю ей коробку с соком. Она не похожа на алкоголичку или воровку. А может она уже что-нибудь украла. Кстати, где мой кошелек?

Она поднимает на меня глаза. Ясные глаза ангела. Укоризненные. И в этот момент я понимаю, что это «Я» в мои пятнадцать лет смотрю, через ее глаза, на себя в тридцать пять. Вот так смотрят на предателя.

- Да. Спасибо.

У меня подкашиваются ноги. Я сажусь на диван и кладу ей голову на плечо.

Мне вдруг так уютно, словно рядом мама. Словно рядом все, что потерялось. Когда ты полупьян, мир как бы треснул, и видна его сущность. Я пробую ухватить и запомнить это чувство тепла, подаренное в незнакомом человеке.

- То-о не ве-е-тер ве-е-етку кло-о-нит, не-е дубра-а-вушка-а-а шумит, - женщина прислонилась ко мне и из нее полились звуки. Я знаю, как пахнут ее волосы. Она добрая.

Мне вдруг больно. Я знаю, что объективность дала сбой. Мне больно и влажно в глазах. Она вкусно пахнет. Кухней и пирожками. Что принесло ее в ее возрасте в этот огромный город? А что меня?

Мы с ней качаемся на диване из стороны в сторону. Плачем. Каждый своему. Две устойчивых скрытых депрессии.

- То-о мое-о, мое сердечко сто-о-нет, ка-ак осенни-ий ли-и-ист шумит, - за окном лето и смех детей.

Мир улыбается.

Я – вернулась.

Летать

- Хочешь я спрыгну вниз? Мне не страшно, хочешь?

Двое сидят на крыше и курят. В их жизни все по-среднему. Они этого не понимают и противятся происходящему своим пассионарным нутром. Обе похожие, короткостриженные, мальчуково-озорные. Они уже поклялись друг другу в вечной любви двести четыре раза, обожают группу Placebo и ведут наплевательский образ жизни. В их системе ценностей последние пока еще не сложились и они наслаждались путешествием по беспечности, слегка трогая пальцем ноги воды внутреннего совместного сосуществования.

- Ты бы мечтала родиться нечеловеком?

- Не знаю, - закат облизывает город сверху, светится ярко-красным и теплым. Мир совершенно иной, чем внизу. Уютный и колыбельный, такой, к которому хочешь прижаться и ощутить мягкость погружения. Все близко, до неба очень близко, здесь нет двойственностей.

- Мне вообще никогда не хотелось никем и ничем быть. Я даже не знаю, чего хочу. Просто просыпаюсь каждый день.

Она опускается на спину, глаза отражают небо:

- Я бы могла вот так лежать и смотреть вверх двадцать лет. Даже тридцать.

- А что родители?

- Им все равно. Они считают, что я должна сама решать.

Стайки стрижей звонко проносятся, гоняя облака. Минуты скользят мимо, как серебристые рыбки. Одна лежит на спине, а вторая свесившись с крыши наблюдает, как ее слюна зависает, отрываясь вниз, а потом пропадает в колодце домов, куда не проникает свет. Они молчат. Им все равно. И всему все равно, есть они или нет. Их это и раздражает, и радует. Они почти счастливы. Прогуляли три пары в институте. Почти не сдали сессию. Лето отупляет.

...Я медленно протекаю. Меня тянет вслед за слюной. Мне смешно и необычно. Я не хочу изменить мир. Я не политик, чтобы сделать что-то нужное. Я ограничена четырьмя стенами и компьютером. У меня есть только мозг. И все, что я могу для людей - это простить их и проснуться. Понять: это - мир, где ты свободен. В нем у тебя нет врагов, все единовѣрцы, все свет, ты легок как ангел, а свет - есть любовь. Летать это любовь. Нет ни-че-го разделенного. Зла нет. Есть лишь туман БЕЗ

света...

- Ты боишься смерти? – вдруг спрашиваю я. – Ты никогда не думала, что над нами все время будут ставить эксперименты, если мы спустимся?

- Боюсь, а ты?

- А я, кажется, нет, - больше и больше сползаю за край. Край и рай очень похожие слова. А что если рая не может быть, если ты не дойдешь до края?

...Все часы сегодня остановились, либо показывали разное время. На одних было 9 утра, на других 11, а на моем мобильном телефоне - 8.30. Я не знала который час, и меня это изначально напугало, а потом расслабило. Жизнь тебя вырывает из заученной системы координат, где «вечное» время беспрекословно измеряется по Гринвичскому меридиану. А кто сказал, что это действительно так? Время: день-ночь. А еще сегодня-завтра. Сегодняшнее не существует, завтрашнее разлетится как стекло. Мы вступили в эпоху-без-времени, когда теория относительности, наконец, будет принята как суть всего, а все непреложные истины разрушатся. Это будет время современности, где люди отринут мир банальный и устремятся вглубь. Мне надоело читать книжки, смотреть картины и фильмы про то, что я и так знаю. Меня привлекают растения, птицы и животные, которые не потеряли свое время, а также люди, вышедшие за границы восприятия. Нигде в мире так не уютно, как в своих мечтах. Лишь спешу в них вернуться...

Она, наконец, отвлекается от созерцания синевы и видит, что я уже наполовину тела свисаю за крышей. Ее лицо сначала перекосило гримасой удивления, а потом страха:

- Ты что делаешь? С ума сошла? - она уцепилась за край моих джинсов. Ткань натянулась. - Бля! Лезь обратно! Слышишь? Ты меня слышишь????

Из-за-края раздается смех.

...Нужно преодолеть страх. Первые люди возникли везде одновременно. Около двух миллионов лет назад. Они были разные: кто-то родился на Кавказе, а затем ушел в Иран и Индию, кто-то в Арктике, которую покинули после изменения полюсов, южнее жили прародители пеласгов и шумер, в Тихом океане отцы тех, кто построил исполинов Пасхи. Первые люди жили в гармонии с ангелами, первыми адами. Потом что-то случилось и их уничтожило. Но память мифов хранит информацию об изначальном человеке, ангелах, которые смешались с людьми, и Боге, разрушившим их мир в ярости. Память о существах, которые не боялись летать, так как не ведали страха...

Я отпускаю руки.

Делаю усилие, чтобы разжать их. Я знаю, что если не буду бояться, то не умру и Он меня спасет. Если мне сейчас удастся преодолеть себя, мне больше ничего не сложно, потому что я, уже будучи взрослой, прошла через точку. Пальцы скользят

и задевают ногтями шершавость стены. Как будто издалека слышен крик подруги. Трещат джинсы и отрывается ломоть ткани. Я знаю, что сейчас из окон выглянули люди, реагируя на копошение и голоса. Время стало длинным, как резина, и я могу рассмотреть каждую деталь штукатурки, каждый миг своей дурацкой жизни. Кто-то зашторил окна, кто-то набирает номер скорой помощи. Мама сегодня придет раньше с работы, чтобы приготовить отчиму плов. Она перед ним прогибается и заискивает. Он ее бьет, а она винит во всем меня. Я уйду из дома, чтобы не возвращаться обратно. Я люблю рассматривать здания и разгадывать их историю. Я могу весь день бродить по городу, слушая рассказы портиков, балконов, капителей и потрескавшихся камней. Но каждую ночь понимаю, что холодно, метро закрывается и хочу есть. Я смеюсь, так как если впущу в себя страх, он позволит мне умереть. Когда я была меньше, лет шести, я пыталась встретить своего отца. Спрашивала бабушку, родственников. Они мне ничего связного не сказали: не думаю, что он был достоин того, чтобы я его нашла. словно волосы волнятся всеяд за мной. Я – рыба, а мои волосы это течение. Никогда бы не подумала, что мы помним память о волосах. Мне просто хотелось, чтобы кто-то меня ждал. Говорил: «Я скучаю» или: «Что ты хочешь на день рождения?». И чтобы эти слова не были отговоркой. Все равно кто – это может быть щенок, рыбка или человек. Главное, чтобы они были Навсегда. Вдруг ощущаю себя полной и одновременно пустой. Песочными часами. С каждой следующей секундой все меньше и меньше пыли внутри. Мои потрохи сгорают и превращаются в море, тихое и искрящееся. Меня никогда не замечали. словно я пустое место. словно я навсегда пустое место. Мы встретились в институте. Я туда поступила только для того, чтобы еще пять лет продолжать читать книжки. Я люблю ее – она красивая, и она сказала, что я красивая. Никто никогда мне этого не говорил. Я смеюсь и мне кажется, так кричат чайки над морем, киты и насекомые. Я вдруг вижу, что действительно красивая. Совсем не такая, как в жизни. В моих руках жжет и щекотно. Я теряю свой вес, свое тело. Свет проникает сквозь меня и я его ощущаю – как тонкие нити связывают каждую клеточку тела.

...Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом...

Асфальт больно ударяет в ладони.

...В конце концов, все в моей жизни должно совпасть: Кипр, Дедал, Армения, этруски, иезиды, книга Еноха, Афганистан, черный камень Каабы и сотворение человека...

Я медленно наблюдаю. Ко мне подбегает она и другие люди. Приезжает белая шумная машина. Надо мной нагибаются белые ангелы в шапочках, на их лицах раздражение. Меня засовывают внутрь. Теряю сознание.

- Двойной перелом бедра и сотрясение мозга, - белый халат рассматривает снимок. Надо мной кто-то сопит и глотает слезы. Мама. Лицо ее распухло и она меня, наконец, любит. Доктор наклоняется так близко, что я могу разглядеть волоски на усах и прокуренное дыхание. «Вы легко отделались, девушка». Улыбаюсь. В

комнату испуганно заглядывает она, ее трясет. Клянется, что больше никогда и ни за что не потащится со мной на крышу. Говорит, что ее родители тоже здесь. Полный комплект.

Новая жизнь. Вита нова. Что ж.

На тумбочке напротив иконка, маленький полиграфический образ архангела Михаила. Свет тихо переливается на ее поверхности, словно говорящей. Я подмигиваю ему. А он – мне.

Я знаю, что преступила порог дозволенного, и Он это знает тоже.

Предпоследний день творения. Книга ангелов. Потом что-то еще будет.

Живи каждым часом.

Прости меня. Лествица.

Афганистан, 2007